

• СЕРГЕЙ ЖАРКОВ •

РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА В БОЮ

• ТАМПЛИЕРЫ •
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
МАЛЬТИЙСКИЙ ОРДЕН

Сергей Жарков

Рыцарские ордена в бою

«Яуза»

2008

Жарков С. В.

Рыцарские ордена в бою / С. В. Жарков — «Яуза», 2008

Тамплиеры. Ливонский орден. Тевтонский. Мальтийский. Вот, пожалуй, и все военно-монашеские ордена, которые сможет перечислить даже человек с высшим образованием. На самом деле в Средние века существовало более 20 рыцарских орденов, о большинстве которых теперь знают лишь специалисты. А когда-то слава рыцарей-монахов гремела по всему свету, их отвагу, выучку и воинское искусство признавали даже заклятые враги, их уважали и боялись за могущество и богатство, к советам их магистров прислушивались коронованные особы. Новая книга Сергея Жаркова рассказывает обо ВСЕХ рыцарских орденах Европы и их пятивековой истории, об орденских уставах и вооружении, обучении и тактике, обо всех сражениях, в которых участвовали рыцари-монахи, – от Хаттина, Арзуфа и Ледового побоища до Грюнвальдской битвы, борьбы с пиратством на Средиземном море и обороны Родоса и Мальты.

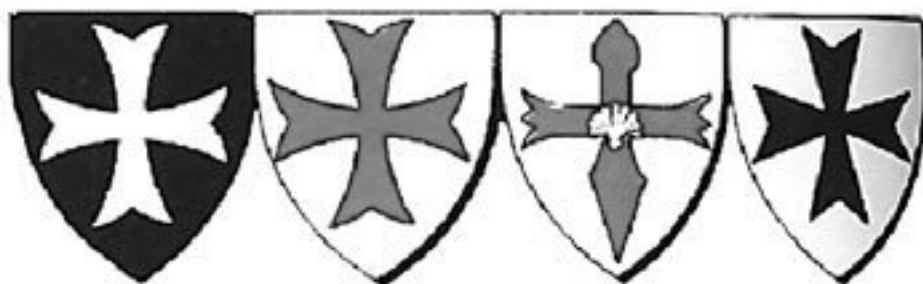
© Жарков С. В., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

Вступление	6
Глава 1	10
Глава 2	41
Полевые сражения	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сергей Жарков Рыцарские ордена в бою

Вступление

Духовно-рыцарские ордена (военно-монашеские) Католической церкви возникли во времена первых крестовых походов на Ближний Восток. Их история тесно связана с крестоносным движением. Поэтому, перед тем как непосредственно приступить к рассказу о рыцарских орденах, необходимо подробно остановиться на самом крестоносном движении. Это поможет лучше понять, с какой целью создавались средневековые рыцарские организации полумонашеского типа и почему многие прославленные рыцари желали вступать в них, несмотря на ограничения монашеской жизни.

В XI веке Католическая церковь выступила организатором крестовых походов, целью которых она объявила освобождение от мусульман Палестины и Гроба Господня, который, по преданию, находился в городе Иерусалиме. Истинная же цель походов заключалась в захвате новых земель. Помимо земли открывалась возможность основательно разграбить богатейшие города Востока. В целом можно сказать, что большинство крестовых походов в Святую землю являлись попросту военно-колониционными мероприятиями европейцев на Ближнем Востоке. Кстати, в то время само понятие «крестовый поход» было неизвестно. Войну за Гроб Господень называли так: «поход», «странствие», «путь в Святую землю», «заморское странствование», «поход по стезе Господней» и т. п. Термин «крестовый поход» появился гораздо позднее, в XVII веке. Во Франции, как предполагают, первым употребившим термин «крестовый поход» был придворный историк короля Людовика XIV иезуит Луи Мэмбур (1610–1686), опубликовавший в 1675 году свой труд «История крестовых походов».

Крестоносное движение затронуло все государства Европы и почти все области их жизни – Церковь и религиозную мысль, политику, экономику, общественное устройство, литературу, а также повлияло на развитие военного дела. Помимо этого оно еще и оказало долговременное влияние на историю западного мусульманского мира и на историю Прибалтики. В основе всего крестоносного движения лежали призывы папы к крестовым походам, причем только папский престол имел власть и право объявлять такие походы и даровать духовные и материальные привилегии тем, кто будет в них участвовать.

Крестоносное движение не ограничилось только Святой землей. Еще папа Урбан II в то самое время, когда первые крестоносцы отправлялись в Иерусалим, совершенно недвусмысленно позволил или даже призвал каталонскую знать, принявшую крест и желавшую идти на Восток, выполнить свои обеты в Испании. В обмен на помощь Церкви в Таррагоне каталонцам было обещано прощение грехов. Таким образом, с самого начала крестоносного движения оно направлялось папой против мусульман в обоих концах Средиземноморья. Поэтому и неудивительно, что после первого крестового похода Испания стала еще одним постоянным театром военных действий крестоносцев, начиная с походов 1114 и 1118 годов. Крестовые походы в Испанию изменили природу и темп Реконкисты (отвоевания христианами Пиренейского полуострова у мусульман). Через некоторое время крестовые походы стали уже направляться и против других народов на границах западного христианства. Особенно выделялась борьба германцев с язычниками на севере и востоке от германских земель. В 1147 году папа Евгений III объявил войну саксов с вендами крестовым походом, хотя и раньше, в 1108 году, в призывах к участию в этой войне использовались мотивы крестоносного движения. По мере дальнейшего движения на Восток крестовые походы направлялись все дальше за Эльбу и в Прибалтику – Померанию, Пруссию, Ливонию, Эстонию, Литву и Финляндию. В 1241 году против монголов, вторгшихся в Европу и нанесших жестокий и неожиданный удар полякам и венграм, был объявлен крестовый поход. Однако отношение к монголам изменится в конце XIII века в связи с планами союза для совместной борьбы против мусульман. При папе Иннокентии III крестовые походы стали направляться как против еретиков, так и против политических противников

папского престола, которых представляли как угнетателей христиан и врагов Церкви. В призывах к крестовому походу против Гогенштауфенов, или катаров, использовались те же приемы, что и в проповеди походов на мусульман, славян или монголов. Более того, папа и другие деятели того времени подчеркивали, что внутренние враги представляют не меньшую угрозу (а иногда и большую), чем враги внешние, и поэтому крестовые походы против них нужнее, чем экспедиции в Святую землю. Можно сказать, что таким образом папы объявляли крестовые походы против любого им не угодившего. К середине XIII века подобное использование крестоносного движения стало частью повседневной реальности, но необходимо отметить, что многие современники это не одобряли. К концу периода крестовых походов крестоносное движение превратилось в сложное и тщательно разработанное дело, «дело креста», как называли его в то время.

Основной боевой силой крестоносного движения были представители военных сословий Западной Европы – мелкого, среднего и крупного рыцарства, сеньоров (из них комплектовалась тяжеловооруженная рыцарская конница) – и их помощники – представители неблагородного сословия (простолюдины), из которых набиралась пехота, отряды стрелков (лучников, арбалетчиков), специалисты по ведению осад фортификационных укреплений и т. п. Бралась в армию и некоторые представители невоенных слоев населения, нужные для конкретных целей: например, священники для совершения таинств и, поскольку все они были грамотными, для помощи в административных вопросах; купцы для обеспечения снабжения и т. п. Со временем такие люди, как врачи, конюхи, и другие подсобные работники тоже оказывались в крестоносной армии в составе свиты крестоносца. В тех случаях, когда крестоносное ополчение отправлялось к своей цели морем, были необходимы и моряки. Но ядром армии того времени всегда оставались рыцари, вокруг них и для помощи им группировались другие рода войск.

Крестовые идеи быстро проникли в культуру западного рыцарства: участие в крестоносном движении стало считаться неотделимой частью идеального поведения рыцаря. Это относилось ко всем членам рыцарского сословия, но тем не менее лишь малая часть каждого поколения рыцарей на самом деле уходила в крестовые походы. Оставляя в стороне личный энтузиазм и рвение или отсутствие таковых, можно сказать, что конкретный состав каждого крестоносного ополчения зависел в основном от функционирования социальной и политической структуры – проводника, через который передавался призыв к участию в походе. Из-за иерархической структуры общества, в котором богатство и власть были сконцентрированы наверху, вассально-сеньориальные связи были особенно важны. Так, если король или принц принимал крест, большинство приближенных ко двору следовали его примеру, в частности опасаясь немилости своего господина. Примером тому может служить записанный Жаном де Жуанвилем разговор двух рыцарей Людовика IX накануне принятия ими креста в 1267 году. Один из рыцарей сказал: «Если мы не примем крест, мы потеряем благосклонность короля; если же мы примем крест, мы потеряем благосклонность Господа Бога, поскольку сделано это будет не для Него, а только из-за боязни огорчить короля». Кстати, и сам Жан де Жуанвиль признает, что принять крест его вынудили обстоятельства. Но не только за королями и принцами были вынуждены следовать вассалы в крестовый поход. До наших дней сохранилось огромное количество средневековых документов, свидетельствующих о том, что когда какой-нибудь граф, епископ или другой сеньор принимал крест, то его домочадцы и вассалы тут же делали то же самое. Так было с самого начала крестоносного движения. Если же сеньор хотел оставить кого-нибудь из своих подчиненных дома, то последний вынужден был подчиниться ему, даже если и рвался в поход. То есть прежде, чем принять крест, вассал должен был испросить разрешение у своего господина. Так, например, в 1188 году аббату Самсону из Бери-Сент-Эдмундс Генрих II в интересах короля и державы не разрешил принять крест.

В крестовых походах, как и в других мероприятиях, люди одного общества и одних принципов очень часто действовали сообща. Примером тому могут служить боевые форма-

ции, сформированные во время военных кампаний крестоносцев. Так, например, в 1270 году в Тунисе король Сицилии Карл Анжуйский и граф Прованский стояли во главе отрядов итальянцев, анжуйцев и провансальцев, а наваррцы, шампанцы и бургундцы воевали под знаменами короля Наваррского и графа Шампанского Тибо III. Порой эти различия внутри армии крестоносцев были отмечены визуально – например, в 1188 году было решено, что участвующие в третьем крестовом походе подданные Филиппа II будут носить красные кресты, подданные Генриха II – белые, а подданные графа Фландрского – зеленые. Сделав крест наглядным символом следования обету, Урбан II связал принятие и ношение его со словами самого Христа: «И всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Некоторые, приняв крест, впадали в исступление, выжигая кресты на своем теле, но и вид обычных матерчатых крестов, нашитых на одежду крестоносцев, был достаточно внушителен. Крестоносцы должны были носить на своей одежде кресты во время всего крестового похода до возвращения домой. В 1123 году на первом Латеранском соборе епископы упоминали о тех, кто «снял свой крест», так и не отправившись в поход. Таким образом, крестоносец всегда отличался от некрестоносца, и это было очень важно. Предводители первого крестового похода были уверены, что в Европе остаются значительные крестоносные силы, которые могут быть посланы им на поддержку, если Церковь сможет заставить уклоняющихся исполнять свои обеты. Они писали Урбану II: «Заверши то, к чему сам призвал нас, прибудь к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобою... Мы одолели турок и язычников, но не можем справиться с еретиками, с греками и армянами, сирийцами и яковитами... (далее следует текст приписки, считают, что он сделан рукой Боэмунда). Мне сообщили нечто такое, что идет сильно против Бога и всех христолюбцев, именно то, что принявшие святой крест получают от тебя дозволение остаться среди христолюбцев. Я этому весьма удивляюсь, ибо коль скоро ты – зачинщик священного похода, то откладывающие отправление в путь не должны были бы получать у тебя сочувствия и какого-либо расположения до тех пор, пока не выполнят обета... И (надо), чтобы ты не расстраивал нас и не портил то доброе, что затеял, но (напротив), чтобы своим прибытием и (привлечением) всех благих мужей, каких можешь привести с собой, ты поддержал нас». Требования такого рода направлялись на Запад во все времена существования крестового движения, и время от времени предпринимались попытки определить точное число «лжекрестоносцев». Но гораздо легче было осуждать тех, кто уклонялся от выполнения обетов, чем заставить их следовать своим обещаниям. Еще одной причиной того, почему так важно было знать, кто действительно принял крест, являлось то, что крестоносцам даровались особые права. Поначалу даже среди высшего духовенства наблюдалось некоторое смятение в отношении, по крайней мере, одной из привилегий, данных крестоносцам на Клермонском соборе, – обещания Церкви защищать семью и имущество крестоносца во время его отсутствия. Примером неразберихи, которую породили некоторые привилегии крестоносцев, может быть случай с Гуго II де Ле-Пюисом. Он, приняв крест во время крестового похода 1107 года, считал, что подвергается опасности со стороны замка, возведенного в его виконтстве графом Ротру де Мортань (который и сам был участником первого крестового похода). Епископ Иво Шартрский, хотя и был одним из лучших знатоков канонического права своего времени, передал дело в светский суд. Это привело к беспорядкам, и Гуго обратился к папе; тот вернул дело в церковный суд. Епископ Иво отметил, что церковные деятели не могли вынести решение, потому что «этот церковный закон об охране имущества рыцарей, отправляющихся в Иерусалим, для них новый, и они не знали, подпадают ли под защиту наравне с имуществом крестоносцев и их военные укрепления». Только к XIII веку привилегии крестоносцев были точно определены, причем им предоставлялась защита со стороны закона, так как многие из этих привилегий имели отношение к юридическим вопросам. Кроме индульгенций и защиты семьи

и имущества, даруемые привилегии включали в себя отсрочку выполнения вассальных обязательств или ответа перед судом до возвращения крестоносца домой или же ускорение судебного разбирательства перед отправлением в поход; предоставление отсрочки выплаты долгов или процентов; освобождение от пошлин и налогов; разрешение священнику продолжать получать доход с прихода во время своего отсутствия и дозволение рыцарю продавать или закладывать свой феодал или неотчуждаемую собственность с целью получения денег для участия в походе; снятие церковного отлучения; разрешение вступать в сделки с отлученными от Церкви лицами и освобождение от последствий отлучения; возможность использовать крестовый обет для замены другого, еще не выполненного обета и право выбрать себе личного исповедника, обладающего властью отпустить грехи.

Участникам первых крестовых походов было нелегко. Так как по прибытии в Святую землю крестоносцы, для того чтобы выжить, должны были сориентироваться и вне зависимости от заранее выработанной стратегии быстро реагировать на постоянно меняющуюся обстановку. Поскольку ответственность за действия, от которых зависела их жизнь, возлагалась на них же самих, предварительному планированию и подготовке стали уделять самое пристальное внимание. Это впоследствии привело к накоплению богатого как военного опыта, который повлек за собой некоторые изменения в военном деле европейских стран, так и административного опыта, способствовавшего усовершенствованию управления и администрации в Европе.

По мере развития крестоносного движения в его орбиту втягивалось все больше и больше жителей Западной Европы. Так, к середине XIII века было очень немного мирян, которые не слышали хотя бы одной проповеди крестового похода, а по мере введения практики откупа от обета все большее число людей принимало крест. Налогообложение на крестоносное движение и другие денежные сборы облегчали кошельки практически всех жителей – крестьян, горожан, клириков и др. Нужда крестоносцев в наличных деньгах представляла разнообразные возможности тем, кто желал расширить свою деятельность в определенных местностях. Так, например, богатство итальянских морских республик росло благодаря контрактам с крестоносцами на перевозки и на провиант, а возникновение на Востоке латинских поселений позволило купцам этих республик значительно расширить торговлю. Необходимость в оружии и продовольствии вызывала временный рост потребления определенных товаров в родных странах крестоносцев.

В целом можно сказать, что в мировой истории крестоносное движение сыграло огромную роль в переделывании политической и культурной карты, поскольку оно способствовало экспансии латинского христианского мира, что привело к возникновению новых латинских государств на Востоке, в северо-восточной Европе и на Пиренейском полуострове. На Западе крестоносное движение определило многие весьма важные политические изменения, наиболее значительное из которых – победа папского престола над Гогенштауфенами. И хотя Альбигойский крестовый поход не смог полностью искоренить ересь катаров, он сильно повлиял на политическую обстановку и на культуру южной Франции, способствовав подчинению этой области власти французского короля. Впервые – и именно благодаря крестоносному движению – французская королевская власть укрепилась в Лангедоке и на побережье Средиземного моря. В этот исторический период папский престол посредством объявлений крестовых походов попытался сделать реальностью свои претензии на управление делами всего христианского мира, кульминацией чего стало правление папы Иннокентия III.

Начиная с XII века во всех крестовых походах активное участие принимают отряды военно-монашеских орденов. Воины этих отрядов благодаря строгой дисциплине и высокой боевой подготовке были грозными бойцами, которых уважали не только западноевропейские христианские рыцари, но и мусульмане. Католическая церковь именно в рыцарских орденах видела основную силу, реально способную эффективно противостоять мусульманским полчищам на Востоке.

Глава 1

История создания военно-монашеских орденов

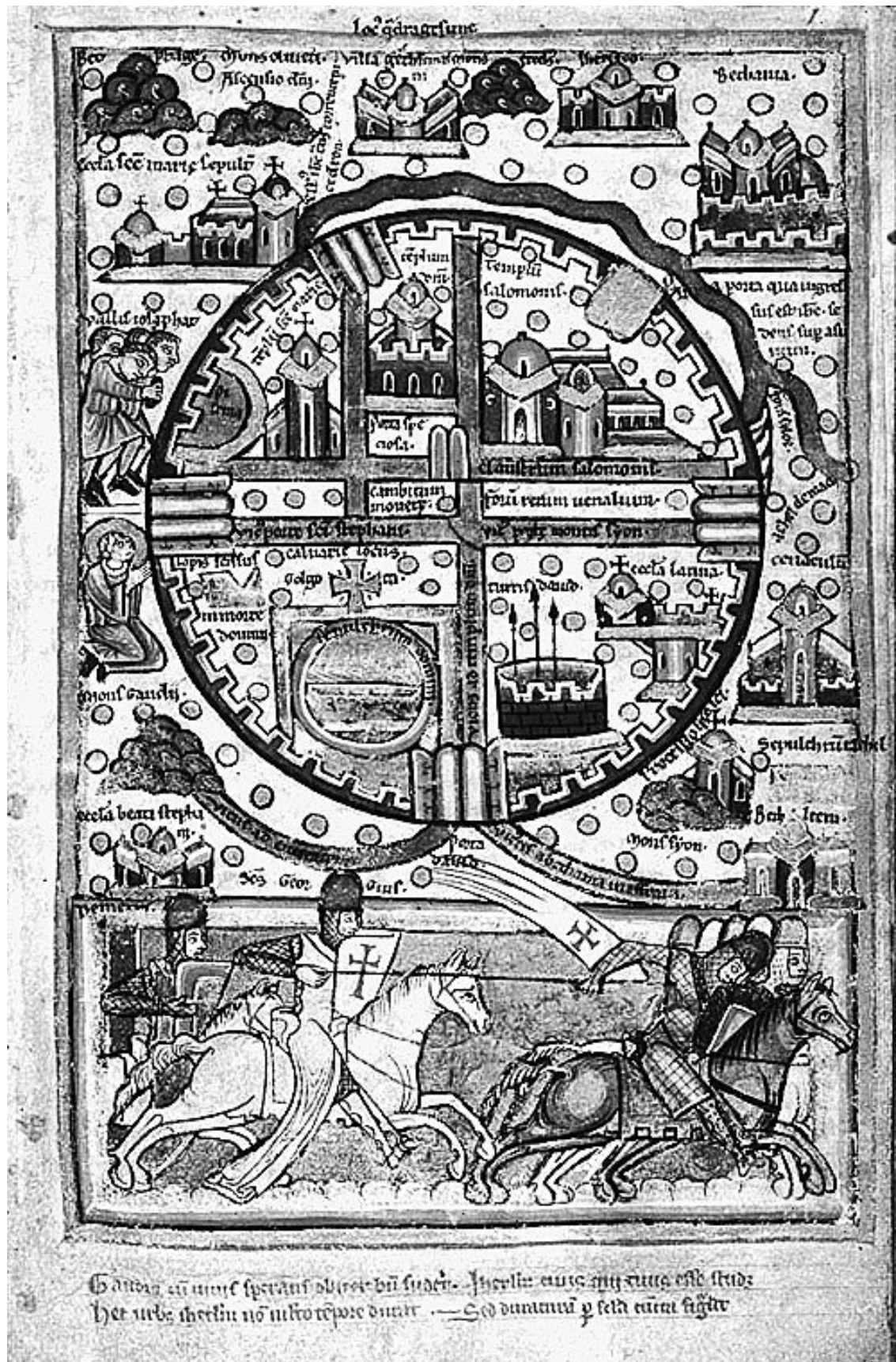
В армиях крестоносцев после взятия города-крепости Иерусалима в 1099 году, с благословения папы римского на базе различных христианских братств стали создаваться особые духовно-рыцарские организации, получившие название «рыцарские», или «военно-монашеские ордена».

Осада крестоносцами Иерусалима в ходе первого крестового похода. Картина Эмиля Синьоля XVIII века.

Некоторые исследователи считают, что прототипом христианских военно-монашеских орденов послужила мусульманская организация – рибат (ribat). Члены этой организации жили в укрепленном монастыре и совмещали духовную жизнь (как христианские монахи) с вооруженной борьбой с врагами ислама. Правда, в отличие от христианских военно-монашеских орденов, члены рибат уходили в такой мусульманский монастырь только на какое-то определенное время, поэтому можно сказать, что они были больше похожи на христиан-крестоносцев, принявших крест на время крестового похода. Но как бы там ни было, большинство исторических фактов свидетельствует о том, что рыцарские ордена были порождением христианского общества Средневековой эпохи. В то время западные христиане уже видели в вооруженной борьбе за правое дело средство спасения души и акт милосердия, что стало для мирян, стремившихся вести религиозный образ жизни, альтернативой поступлению в монастырь: ведь церковный запрет на ношение оружия, в котором некоторые видели препятствие к развитию военно-монашеских орденов, относился только к священнослужителям. Естественно, появление таких организаций, как рыцарские ордена, у многих христиан вызвало сомнения и опасения. На первых порах даже некоторые вступившие в военно-монашеский орден терзались сомнениями о законности своего предназначения. Частично это объясняется тем, что в Сред-

ние века всякое новшество приживалось с трудом. Большинство христиан считали военно-монашеские ордена низшей формой религиозного служения по сравнению с обычным монастырем с его духовным, созерцательным направлением. Против рыцарских орденов выступали и те, кто продолжал считать греховным любое насилие. Чтобы хоть как-то оправдать существование рыцарских орденов, один из идеологов крестовых походов Бернар Клервоский (1090–1153), живший в XII веке, в специально посвященном рыцарским орденам труде «*De laude novae militiae*» («В похвалу новому рыцарству») пытался оправдать их существование, примирив служение Богу и военную деятельность.

План Иерусалима и его окрестностей. Этот план датируется примерно 1170 годом. До наших дней сохранилось много планов и схем святого города. Такое обилие планов свидетельствует о том, какое важное место отводилось святым местам в западной религиозной системе.

Обратите особое внимание на низ плана. Там показана рыцарская конница крестоносцев, которая преследует бегущую конницу мусульман.

Первоначальная задача рыцарских орденов состояла в том, чтобы защищать христианских паломников и охранять христианские владения на Востоке от нападения последователей ислама. Папа и правители христианских государств в Палестине прекрасно понимали, что только рыцари военно-монашеских орденов будут служить даже там, где не согласятся или не смогут служить светские рыцари.

Вступая в военно-монашеский орден, рыцарь приносил обычный обет монашества: бедности, целомудрия, послушания. Рыцарь должен был исполнять долг гостеприимства и неустанно вести войну против неверных. Членами орденов могли быть как рыцари, так и простолюдины, которые составляли отдельную группу. А некоторые военно-монашеские ордена допускали в свои ряды даже женщин. Члены рыцарского ордена беспрекословно повиновались главе ордена – гроссмейстеру, или великому магистру, который, в свою очередь, подчинялся непосредственно папе римскому, а не правителям, на землях которых располагались владения ордена.

Тяжеловооруженные западноевропейские воины. Фрагмент барельефа, украшающего храмовую дароносицу, Европа, середина XII века. Воины показаны в типичном для XII века боевом снаряжении. У многих крестоносцев того времени было такое же защитное снаряжение.

Духовные рыцарские ордена почти во всем были похожи на монашеские ордена, но у них был определенный устав (разрешающий вести военные действия), утвержденный папой, и особая отличительная одежда. Подобно монашеским орденам, рыцарские ордена поначалу состояли из немногих лиц. Но, в отличие от монашеских орденов, рыцарские ордена вели активную военную деятельность, поэтому численность членов рыцарских орденов быстро возрастала.

Члены ордена распределялись по различным должностям. В первое время, когда в орденах еще соблюдалась простота, их отличительным знаком служил обычный крест красного цвета, который первые крестоносцы избрали для себя сами. Правда, для различия внутри ордена они нередко изменяли как форму, так и цвет креста, и даже цвет нижней одежды и плаща, к которому он прикреплялся. В церковных документах есть запись, в которой говорится, чтошивать крест на одежду разрешили в 1146 году специальной папской буллой, и то только рыцарям знатной крови и представителям орденов. Гораздо позже, когда рыцарские ордена разбогатели и в некоторых из них, как и в монашеских орденах, развилась страсть к роскоши, не только одежда рыцарей, но и вся их внешняя обстановка стала отличаться большим богатством. Роскошь проявлялась и в установлении новых всевозможных отличий для служебных должностей: гроссмейстера, капелланов, ратников. Благодаря щедрым пожертвованиям и грамотной административной политике большинство рыцарских орденов в скором времени превратились в мощные финансово-независимые военные организации, обладающие значительным влиянием.

Всего в период с XII по XV век было образовано около 20 военно-монашеских орденов. Из них три ордена были самыми сильными, влиятельными и обладали по тем временам огромными состояниями. В эту тройку входили: орден госпитальеров-иоаннитов, орден тамплиеров-храмовников и Тевтонский (Немецкий) орден.

Рыцарь-крестоносец приносит присягу на верность. Миниатюра из английской рукописи примерно 1250 года. Эта иллюстрация прекрасно демонстрирует то, как идеал военной службы Богу и Церкви пропитал рыцарские воззрения в странах Западной Европы.

Духовно-рыцарские ордена, возникшие на Святой земле, помимо Востока участвовали в военных действиях и на других территориях христианского мира. Так, например, первыми вступили в войну в Испании рыцари-тамплиеры (в 1143 году граф Барселонский уговорил тамплиеров принять участие в Реконкисте) и госпитальеры (они приняли участие в Реконкисте в середине XII века). Пиренейский полуостров привлекал к себе внимание рыцарских орденов как источник доходов и одновременно потенциальная возможность пополнить свои ряды

новыми братьями. Влияние рыцарей-госпитальеров и тамплиеров привело к тому, что уже в третьей четверти XII столетия в Испании возникло несколько собственных военно-монашеских орденов. Так, в 1158 году в Кастилии был основан орден Калатравы, а в Леонском королевстве в 1170 году – орден Сантьяго-де-Компостела. Примерно в 1173 году появился орден Монтегаудио, владения которого находились в основном в Арагонском королевстве. В 1176 году в Португалии возникла организация, позже ставшая орденом Авиш. Примерно в то же время в Леонском королевстве был создан орден Сан-Хулиан-де-Перейро, предшественник ордена Алькантары. В 1170–1300 годах возникли ордена Сан-Хорге-де-Альфама и Санта-Мария-де-Эспанья. Эти испанские ордена уже изначально были военными организациями, основанными по примеру орденов тамплиеров и госпитальеров. Но при попытке объяснить появление этих организаций необходимо принимать во внимание как надежды и планы их основателей и первых членов (основателем ордена Монтегаудио, к примеру, был разочаровавшийся член ордена Сантьяго), так и настроения испанских королей, покровительствовавших этим орденам. Христианские правители Испании, безусловно, надеялись таким образом получить в лице рыцарей орденов серьезную военную силу против мусульман как на суше, так и на море (Альфонс X Кастильский всячески поддерживал орден Санта-Мария-де-Эспанья, надеясь на помощь мореходов в борьбе с мусульманами за контроль над Гибралтарским проливом). Следует также отметить, что орден Калатравы появился после того, как тамплиеры, которым ранее пожаловали замок Калатраву, оказались неспособными его защищать. К тому же местные ордена не должны были посылать средства в Святую землю, а испанские правители, покровительствуя сразу нескольким военно-монашеским организациям, могли контролировать ситуацию таким образом, чтобы ни один отдельный орден не стал слишком могущественным. На первых порах испанские правители даже надеялись использовать эти местные организации в борьбе со своими же христианскими соперниками, но ордена быстро распространились по всей территории полуострова и по отношению к конфликтам между христианскими королями заняли нейтральную позицию. Кстати, несмотря на поддержку королей, не все испанские военно-монашеские ордена процветали. Так, в 1188 году орден Монтегаудио был вынужден объединиться с орденом госпиталя Святого Искупителя в Теруэле, а в 1196 году они влились в орден тамплиеров. Некоторые из братьев не смирились с этим союзом и обосновались в Монфрагуэ на реке Тахо в Кастилии; позднее эта группа вошла в орден Калатравы. Эти перемены были обусловлены внутренними трудностями ордена Монтегаудио и группы в Монфрагуэ. Объединение же ордена Санта-Мария-де-Эспанья с орденом Сантьяго-де-Компостела произошло после того, как последний понес огромные потери в 1280 году в сражении при Моклине. Другие же испанские ордена сохранились, но остались сугубо местными, испанскими организациями. Время от времени испанские ордена планировали распространить свое влияние на территории Северной Африки, Святой земли и даже прибалтийских стран, но ни один из этих планов не был осуществлен.

Войско крестоносцев, в составе которого находятся рыцари военно-монашеских орденов, сражается с мусульманами под стенами крепости. Реконструкция.

В Центральной Европе, в отличие от Испании, тамплиеры и госпитальеры не были первыми духовно-рыцарскими орденами, которые с оружием в руках защищали и распространяли христианство. В начале XIII века европейцы больше рассчитывали на новые, европейские духовно-рыцарские ордена, такие, как Тевтонский орден. Именно он сыграл главную роль в покорении Пруссии и Ливонии. Орден меченосцев и Добжиньский орден были основаны уже в самой Европе для защиты миссионеров: первый возник в Ливонии в 1202 году при поддержке епископа Альберта, а второй – в Пруссии, приблизительно в 1228 году, по инициативе епископа Прусского Христиана и польского князя Конрада Мазовецкого. Позже эти ордена вошли в состав Тевтонского ордена.

Сарацины. Гравюра на дереве Густава Доре.

Тевтонский орден впервые появился в Центральной Европе в 1211 году, по просьбе венгерского короля Андрея II. Король предложил ордену трансильванскую область Бурзу под условием защиты ее от набегов половцев. Для Тевтонского ордена это было выгодным предложением, так как появлялась возможность расширить свои владения в Европе. Но в 1225 году король Андрей, испугавшись усиления Тевтонского ордена, отобрал у него пожалованные земли. Примерно в это же время князь Конрад Мазовецкий предложил ордену Кульмскую землю с условием, чтобы рыцари защищали ее от пруссов. Последовавшие переговоры, в которые включился и германский император Фридрих II, привели к созданию на территории Пруссии независимого государства под управлением Тевтонского ордена. Примерно к 1230 году орден стал весьма влиятельной организацией на территории Пруссии, а потом, объединившись с меченосцами, распространил свое влияние и на Ливонию.

«Возвращение крестоносца», картина художника XIX века Карла Фридриха Лессинга.

После того как Тевтонский орден был изгнан из Венгрии и утвердился в Пруссии, венгерские и польские правители пытались искать помощи у других военно-монашеских орденов. В 1237 году польский князь Конрад Мазовецкий даже пытался возродить Добжиньский рыцарский орден в замке Дрогичин на реке Буг, но из этого ничего не вышло. Рыцари-тамплиеры тоже недолго пробыли на Польской земле, которую им пожаловали в 1250 году, а рыцари-госпитальеры и вовсе отказались защищать пожалованные им венгерским королем Белой IV в 1247 году земли, которые простирались от Трансильванских Альп до Дуная. Бела IV надеялся на помощь госпитальеров в борьбе не только против язычников, но и против раскольников. И хотя венгерскому королю такая помощь оказана не была, тамплиеры, и госпитальеры, и рыцари Тевтонского ордена внесли свою лепту в защиту Латинской империи франков, созданной в 1204 году после четвертого крестового похода.

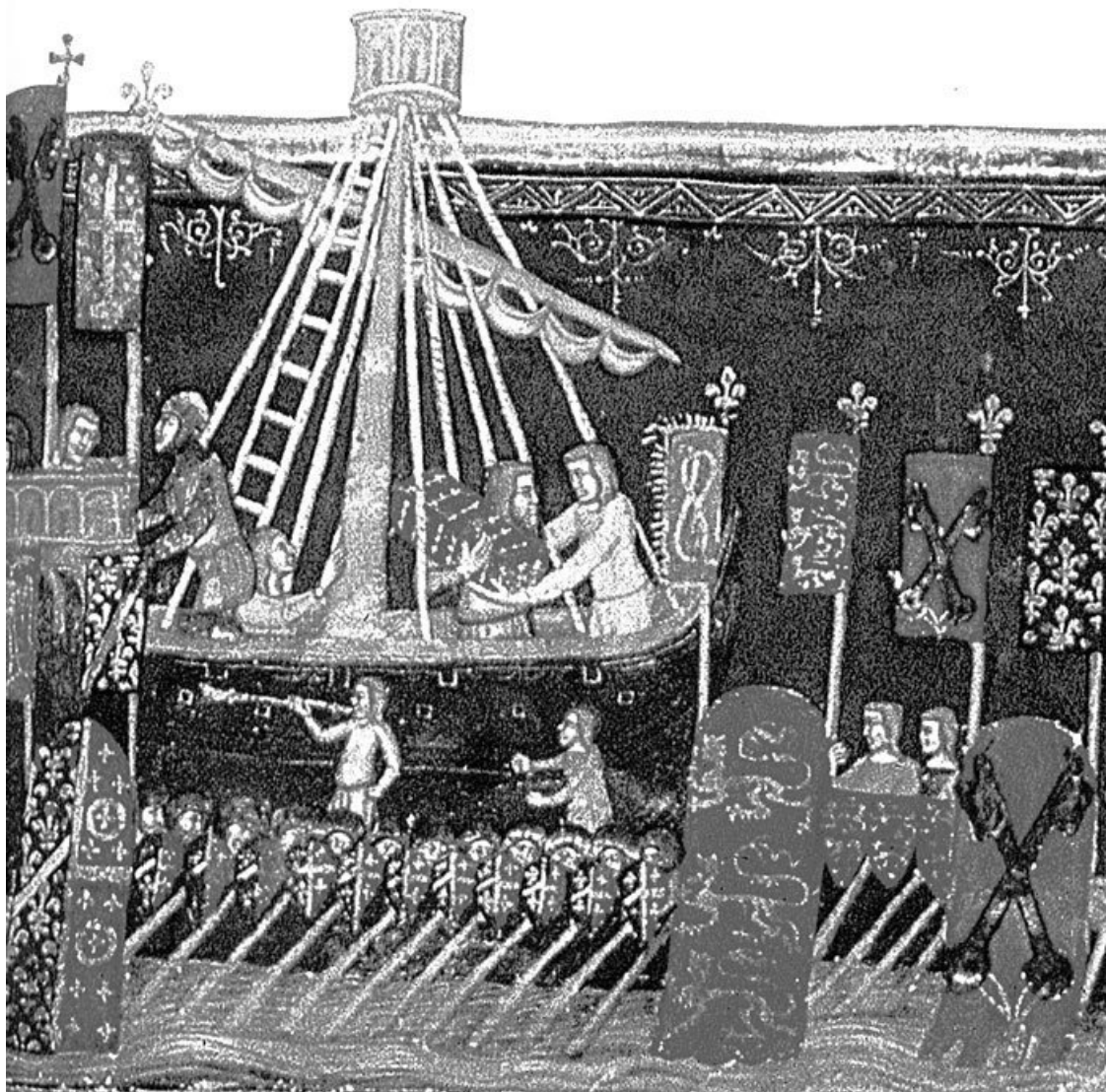
В XIII веке крестовые походы все чаще направлялись против инакомыслящих внутри христианства. Духовенство использовало рыцарские ордена против еретиков и противников папы, а также других нарушителей спокойствия в Западной Европе. Рыцарские ордена вмешивались и во внутренние конфликты на Кипре и в Иерусалимском королевстве, а в 1267 году папа Климент IV предложил госпитальерам выступить на стороне Карла Анжуйского против последних Гогенштауфенов в Южной Италии. В XIII веке делались попытки основать новые рыцарские ордена на юге Франции для борьбы с ересями. Однако эти ордена просуществовали очень недолго, за исключением итальянского ордена Пресвятой Девы Марии, чей устав, утвержденный в 1261 году, вменял рыцарям в обязанность защиту веры и Церкви и подавление гражданских беспорядков. И все же главной функцией военно-монашеских орденов в XII–XIII веках была борьба с нехристианами на границах западного христианского мира.

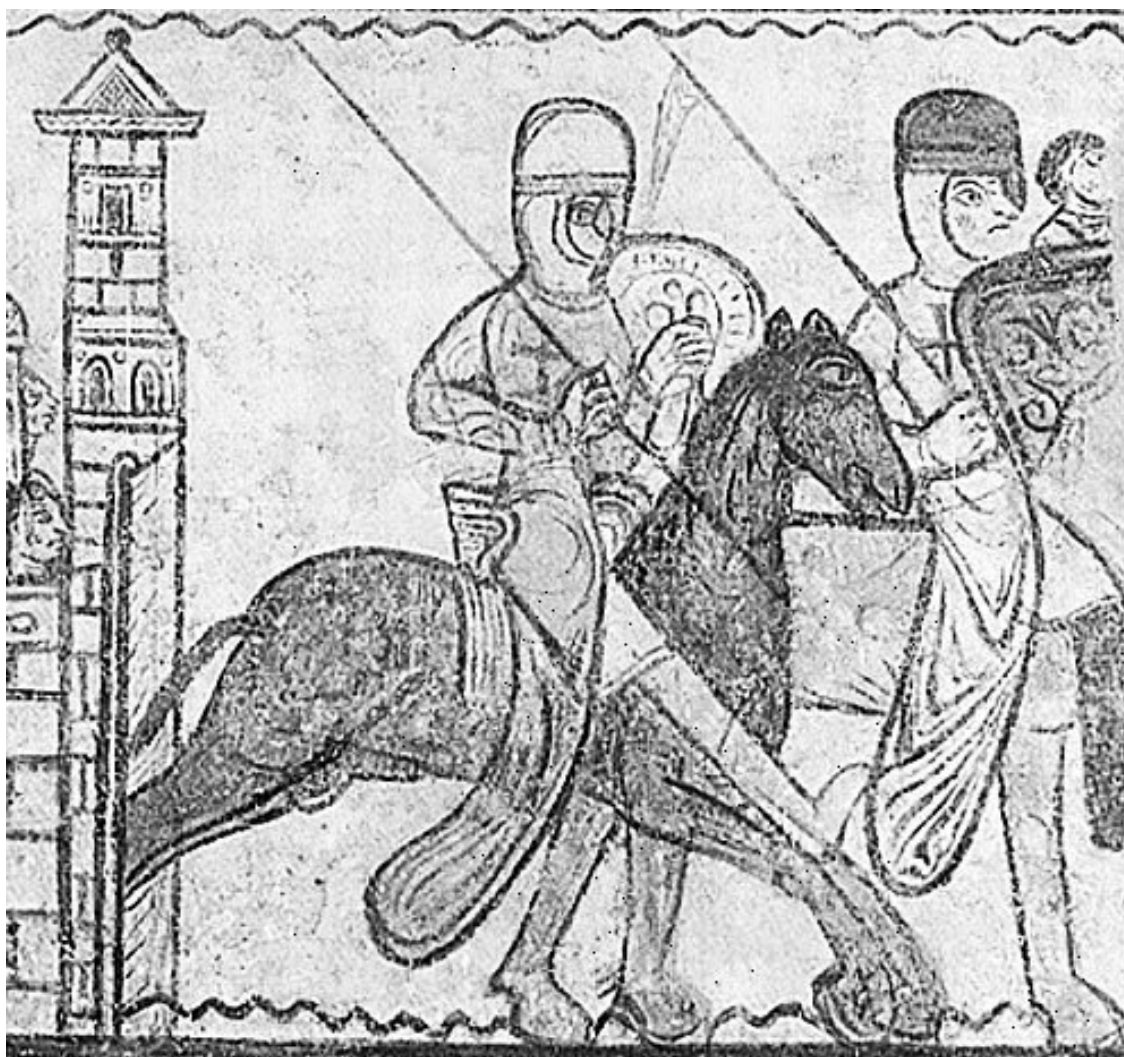
Погрузка крестоносцев на корабли. Миниатюра из рукописи XIII века.

К XIV веку у военно-монашеских орденов поубавилось энтузиазма и стремлений к защите или возвращению Святой земли. В то время, несмотря на происходившую кодифика-

цию канонического права и принятие отдельными орденами новых уставов и других юридических документов, формальный статус членов военно-монашеских орденов Латинской церкви изменился очень мало. Они по-прежнему принимали обеты бедности, целомудрия и послушания и должны были следовать правилам общежития своего ордена. Каждый орден имел устав, одобренный папским престолом. Папа мог вмешиваться во внутренние дела военно-монашеских орденов и даже распускать их, что и было сделано Климентом V с тамплиерами в 1312 году. После расправы над тамплиерами положение других военно-монашеских орденов во многом изменилось, хотя поначалу это и не отразилось на количестве желающих вступить в эти ордена. Действия военно-монашеских орденов стали объектом критики и споров, высказывались даже предположения об объединении их в единый орден и о конфискации всех их земельных владений. Пока шло следствие по делу тамплиеров, папа в 1310 году начал еще одно расследование, касающееся деятельности другого влиятельного военно-монашеского ордена – Тевтонского. Поводом к расследованию послужило большое количество жалоб на деятельность Тевтонского ордена в Ливонии. Правда, надо сказать, что, в отличие от тамплиеров, расследование против тевтонского ордена не особенно повредило его членам.

Погрузка крестоносцев на корабли. Миниатюра из рукописи XIII века.

Крестоносцы на Святой земле. Миниатюра из рукописи XII века.

В 1312 году папа передал ордену госпитальеров часть земельного имущества тамплиеров. Передача госпитальерам богатств ордена тамплиеров вызвала серьезную озабоченность монархов на Пиренейском полуострове, и это, в частности, привело к тому, что в Кастилии большая часть имущества тамплиеров была захвачена местной знатью, а в Валенсии и в Португалии появились новые национальные военно-монашеские ордена. Кстати, после роспуска ордена тамплиеров папа Климент V сумел сохранить за Церковью большую часть их имущества, аргументируя это тем, что светские власти не должны вмешиваться в дела военно-монашеских орденов. Правда, часто интересы самих орденов не совпадали с интересами папского престола, но в период «авиньонского пленения пап» (1312–1377) когда папский престол находился в Авиньоне в зависимости от французского короля, авиньонские папы не только критиковали военно-монашеские ордена, но и выполняли по отношению к рыцарям-монахам функции кассационного суда, разрешая их внутренние споры; они также постоянно защищали интересы и права военно-монашеских орденов на всей территории латинского христианского мира. Так, на северо-востоке Европы папы пытались примирить деятельность Тевтонского ордена с интересами других лиц и организаций, тоже пытавшихся обратить в христианство языческие племена Литвы и Ливонии. Однако тевтонские братья всячески ускользали из-под папского контроля и ссорились с францисканцами, рижским архиепископом, польским королем и другими светскими правителями. В 1319 году папа Иоанн XXII способствовал разрешению организационного конфликта внутри ордена госпитальеров, выбрав новым магистром энергичного Элиона

де Вильнева. Из Авиньона папы настаивали на проведении реформ и начале активных действий, по мере того как остров Родос, на котором обосновались госпитальеры, превращался в крупный антитурецкий бастион. Авиньонские папы все более активно вмешивались в дела рыцарей-монахов и даже пытались влиять на назначения внутри военно-монашеских орденов, особенно в Италии, где они назначали членов ордена госпитальеров управлять папскими областями. Однако до поры до времени папы соблюдали определенную долю осторожности и сдержанности в делах, касавшихся ордена госпитальеров и Тевтонского ордена, и только в 1377 году папа Григорий XI, ранее организовавший проверку западных владений госпитальеров, настоял на назначении магистром Родоса своего протеже Хуана Фернандеса де Эредиа. После этого положение всех орденов, за исключением Тевтонского, резко ухудшилось: папы стали постоянно вмешиваться в дела управления орденами и даже отнимали у них земельные владения, передавая их своим фаворитам и родственникам.

Интерьер церкви рыцарей-тамплиеров в Лондоне. Многие состоятельные покровители военно-монашеских орденов сами вступали перед смертью в патронируемый орден или изъявляли желание быть похороненными в его монастыре. Эти надгробные скульптуры Ульяма Маршала, первого графа Пемброкского, умершего в 1219 году, и его сына Ульяма Маршала-младшего, второго графа, находятся на гробницах в лондонской церкви ордена тамплиеров в Лондоне.

В XIV веке некоторые малочисленные ордена, такие, как, например, английский орден святого Фомы, имевший небольшое поместье на Кипре, отказались от военных действий и превратились в просто монашеские общины. В то же время в Испании хоть военно-монашеские ордена и продолжали управлять своими обширными владениями, они все больше попадали под влияние испанских монархов, которые хотели не только контролировать деятельность орденов в Испании, но и вернуть себе земли и привилегии, ранее пожалованные ими рыцарям-монахам. Арагонская корона закрепила за собой земли госпитальеров и тамплиеров в Валенсии для того, чтобы создать новый военно-монашеский орден Монтесу для защиты границы с Мурсией (мусульманское государство в Испании, существовавшее с XI по XIII век). В 1317 году было решено, что арагонские госпитальеры будут лично приносить вассальную присягу арагонскому королю перед тем, как приступить к своим административным обязанностям. Тем

самым король, которому уже удалось предотвратить отправку людей и средств на Родос, получил некоторую возможность контролировать назначение в ордене, а следовательно, и использовать часть доходов госпитальеров в собственных целях. Важность введения вассальной присяги арагонскому королю стала ясна во время восстаний 1347–1348 годов, когда все ордена сплотились вокруг престола, и во время войн с Кастилией после 1356 года. Королем была предпринята попытка основать еще один орден – Сант-Хорхе-де-Альфама – на Каталонском побережье, но это предприятие успехом не увенчалось: магистр ордена и его сестра были захвачены в Альфаме африканскими пиратами, и в 1400 году орден присоединился к ордену Монтессы. Два года спустя король Мартин предложил, чтобы все арагонские ордена, и в том числе госпитальеры, были реорганизованы в *maestrats* – магистерства – под королевским управлением и занимались борьбой на море с мусульманами-африканцами. А в 1451 году арагонский король Альфонс V обдумывал план размещения на острове Мальта ордена Монтессы, несмотря на то что тот имел очень ограниченный военный опыт.

Что же касается кастильских орденов Сантьяго, Алькантары и Калатравы, то они продолжали свои традиционные действия по заселению и защите от мавров обширных латифундий в Андалусии, несмотря на то что граница теперь проходила много южнее их земельных владений. Даже в XV веке эти ордена продолжали заселять покинутые мусульманами деревни. Помимо этого кастильские ордена выполняли и другие функции. Например, орден Алькантара охранял португальскую границу в Эстремадуре. В 1340 году все испанские ордена участвовали в победе христиан при реке Саладо, за которой последовало завоевание Альхесираса в 1344 году. Однако вскоре после этого война против упрямого горного анклава Гранады затихла в связи с длительной гражданской войной в Кастилии, и ордена стали участниками семейных интриг и жестоких политических конфликтов и усобиц. Как в случае с Орденом Монтессы, кастильские ордена в это время довольно редко выступали против мусульман. Однако в 1361 году три кастильских магистра и приор госпитальеров находились в рядах королевской армии, одержавшей победу над маврами, но потом разбитой при Гвадиксе.

В Кастилии ордена охраняли границы, не участвуя в активных действиях: 1350–1460 годы были годами официального перемирия (за исключением двадцати пяти лет), нарушавшегося только отдельными стычками. Так, около 1389 года магистры Калатравы и Алькантары возглавили вылазку к воротам Гранады, разграбили ее пригороды и послали вызов мусульманскому королю. А когда в 1394 году магистр Алькантары Мартин Яньес де ла Барбуда нарушил перемирие с мусульманами и погиб в безрассудной вылазке, движимый обостренным чувством долга вести священную войну, король, пытавшийся его остановить, даже извинился перед маврами. Реконкиста в Кастилии возобновилась благодаря регенту Фернанду, завоевавшему с помощью военно-монашеских орденов в 1410 году Антекеру. Ордена продолжали защищать крепости и границы, где магистры нередко командовали королевскими армиями, но чаще всего члены орденов служили королевскими капитанами и командовали отрядами, в которых не было рыцарей-монахов. Однако орден Калатрава, например, участвовал в шести пограничных рейдах в 1455–1457 годах, а ее магистр захватил в 1462 году Арчидону. А в гранадской кампании (в 1482–1492 годах состоялась наиболее успешная крестовая экспедиция XV века – поход Фернандо V Арагонского и Изабеллы Кастильской на Гранаду), увенчанной завоеванием последнего мусульманского эмирата на Пиренейском полуострове, воевали члены всех орденов. Из десяти тысяч конных воинов, пришедших в Гранаду в 1491 году, орден Сантьяго выставил 962 конных воина (плюс 1915 пеших воинов), орден Алькантара – 266, госпитальеры – 62, орден Калатравы выставил примерно 400.

Еще задолго до падения Гранады в 1492 году политические амбиции Кастилии росли и уже простирались за пределы Пиренейского полуострова. Мечты о завоевании Марокко, например, отслеживаются в хрониках начиная с XIII века. Борьба против ислама на землях Испании и Португалии имела еще более древние корни. Она несла политическую и рели-

гиозную окраску. Многовековое противостояние, которое сами испанцы называют Реконкиста (переводится как обратное завоевание), придало испанскому христианству воинственный характер. Кстати, последняя фаза Реконкисты зависела от брака Фернандо V Арагонского (у Фернандо были сложные титулы: он был Фернандо II для Арагона и Сицилии, потом стал Фернандо V Кастильским после брака с Изабеллой, а поскольку Арагону принадлежали территории в Южной Италии, то и Фернандо III Неаполитанским) и Изабеллы Кастильской, заключенного в 1469 году и положившего конец, по крайней мере на какое-то время, давнишнему соперничеству двух королевств, и от прекращения династических споров в Кастилии, что и удалось сделать Изабелле через десять лет после свадьбы. И только после этого Изабелла смогла заняться Гранадой без досадных помех. Ее взгляды и темперамент вполне соответствовали набиравшей силу в тогдашней Кастилии воинственной нетерпимости к другим религиям. Более того, в интересах и Арагона, и Кастилии было изгнание мавров с полуострова до того, как османы разовьют свою морскую мощь и смогут, подражая альморавидам и альмохадам, вторгнуться в Испанию через дверь, открытую им братьями-мусульманами. Именно поэтому захват Аламы графом Кадиса в начале 1482 года развился в завоевательную кампанию, кульминацией которой стало падение Гранады десять лет спустя.

Несмотря на то что насридский эмират Гранада формально был мусульманским государством, он в значительной степени напоминал своих католических соседей. Отдельные воины свободно пересекали границу и меняли сюзеренов, иногда и не по одному разу. Приграничные кланы находились в сложных отношениях между собой. Общество Гранады отличалось воинственностью, в нем господствовал менталитет осажденной крепости. Была сильна религиозная мотивация, армию укрепляли добровольцы из Северной Африки. С другой стороны, североафриканские гази часто были непопулярны. Правители Гранады предпочитали поддерживать отношения с католической Кастилией, но не с исламским Марокко.

Армии Насридов были весьма прогрессивны. Воины (тагри) пограничных областей (тугур) играли большую роль. Возводились пограничные замки. Военная элита Гранады напоминала европейское рыцарское сословие. Наиболее эффективная часть армии Гранады состояла из легкой пехоты и конницы (альмогаверов). Об этом свидетельствуют испанские источники XIII – XIV веков.

Первая армия Насридов включала в себя большое количество андалузской конницы и пехоты из клана Насридов. Союзники рекрутировались в армию через систему джунда – территориальный призыв, зарегистрированные солдаты (джунди мутадаван) несли постоянную воинскую повинность. В ранний период своей истории Гранада также использовала берберов-добровольцев и наемников. Отряд телохранителей эмира состоял из христиан. Некоторые правители XIV века приглашали к себе новых берберских воинов, пока племя заната не образовало отдельную армию. Во время своего второго правления Мухаммед V лишил берберов привилегий и ввел новую систему призыва. Кроме того, Мухаммед V сформировал полк личной гвардии из 200 легковооруженных конных воинов. Его наследники увеличили численность этого полка, а также сформировали еще один полк, укомплектованный мамелюками европейского происхождения (малугун).

Статус провинциальной военной элиты в Андалузии XIII века был ниже, чем у рыцарей христианской Иберии, но выше, чем у племенной конницы из Северной Африки. Гарнизоны важных пограничных крепостей возглавляли шайх-хасса. По-видимому, эти гарнизоны входили в состав джунда. Каждый крупный полк армии Гранады возглавлял вали. Командная структура была традиционной. Эмир со штандартом райя возглавлял отряд численностью 5000 человек. Каид с аламом командовал тысячей воинов. Накиб с ливой возглавлял 200 человек. Ариф с бандом командовал сорока воинами, а назир с укдой был начальником над восемью воинами. Отдельный корпус жандармерии (шурта), возглавляемый саиб аль-шурта, действовал в самом городе Гранада. Добровольцы из Северной Африки имели отдельную командную

структуру, возглавляемую шейх аль-гузатом. Главные военные центры находились в Гранаде, Малаге, Гуадисе и Ронде. Кроме того, множество небольших военных баз располагалось вдоль границы и побережья. Добровольцы из Северной Африки держали свой штаб в замке Фуэнхи-рола. Во время похода боевой дух гранадских солдат поддерживали различные религиозные деятели. В армии также имелся корпус проводников (ладил), медиков, оружейников и ораторов. Главная мечеть в Гранаде помогала экипировать армию.

Несколько военных фигур на настенной росписи XIV века из Торе-де-лас-Дамас, дворца Аламбра в Гранаде. Эти фигуры воинов обнаружили почти сто лет тому назад. В наши дни они выцвели и уже почти не видны. Общий сюжет таков: армия приближается к богатому шатру, у которого сидит правитель и его четверо советников. У двух советников мечи с позолоченным эфесом и выгнутой вперед крестовиной, большинство приближающихся верховые, вооружены арбалетами или копьями, немногие имеют мечи, лишь у одного составной лук. Арбалетчики одеты в белые туники, только у знаменосца кольчуга и остроконечный сине-золотой шлем. У одного конного воина красный щит с широкой белой полосой. Один воин в панцире, усиленном заклепками с позолоченными головками (некоторые думают, что это бригадина).

В стратегическом отношении кампании Гранады имели целью удержать горные перевалы через окружающие страну хребты. Поскольку основным способом ведения боевых действий в Испании было совершение набегов на территорию противника с целью ее экономического разорения, в Гранаде выработалась система раннего оповещения. При появлении противника крестьяне старались укрыться в крепостях, а местное ополчение наносило по противнику беспokoящие удары. По возможности на отряды противника устраивались засады. Для обороны использовались естественные преграды, каналы и сады.

Экипировка конных воинов Гранады значительно изменилась с течением времени. До начала XIV века конные воины Гранады мало отличались от воинов-христиан. Каждый всадник имел двух лошадей. Но по мере роста берберского влияния численность гранадской конницы увеличилась. Теперь каждый всадник имел только одного коня, при этом его экипировка стала значительно легче. К XV веку воины легкой конницы Гранады (джинете) продолжали носить короткие панцири, легкие шлемы, кожаные щиты. Вооружались воины короткими копьями с широкими наконечниками и дротиками.

Арбалетчики составляли большинство гранадской пехоты. При этом доля арбалетчиков была велика и среди берберов. Так, одна из армий, сформированная в начале XIV века, насчитывала 8000 конных воинов и 75 000 арбалетчиков. Из них 50 000 происходили из района Аль-пухаррских гор. Другие источники свидетельствуют о том, что в открытых сражениях гранадцы придерживались традиционной тактики. Легкая конница старалась расстроить боевые порядки противника, наступающего на пехоту. Сначала конные воины бросали дротики, а потом атаковали противника мечами. Конница действовала мелкими группами. Воины защищали себя кожаными щитами, несколько раз переходя в атаку, а затем отступая.

Испанское влияние на гранадский костюм отчетливо ощущалось в XIV–XV веках. В результате появилась характерная гранадская мода – тафсил, которая отличалась как от ближневосточного, так и североафриканского стиля одежды. Ибн-Сайд отмечает, что в XIII веке андалузские воины одевались и экипировались в том же стиле, что и их христианские противники. Даже алые плащи (каба), которые носили исламские командиры, представляли собой аналог испанского капо, а не персидского каба.

Богатство Андалузии, постоянная угроза с севера, а также традиционная тяжелая экипировка воинов стимулировали в Андалузии производство оружия и экипировки. Исламская Мурсия славилась кольчугами и железными панцирями, которые иногда украшались позолотой. По свидетельству ибн-Сайда, конница носила кольчуги (дир), иногда полные кольчужные конские доспехи, большие деревянные щиты (тур), тяжелые копья, легкие седельные топоры (табарзин) и иногда луки. Во время покорения Арагоном Майорки мавританские конные воины носили стеганный перпунт, длинный европейский меч, ножны с ремнем, щит, копье и шлем, изготовленный в Сиракузах или Сарагосе. Ибн-аль-Хатиб писал, что андалузские конные воины по-прежнему носят «длинные кольчуги, подвешивают щиты на плечо, шлемы без позолоты, копья с массивными железными наконечниками и седла с дополнительными отсеками в задней луке». Позднее, в XIV веке, ибн-Худхайл сообщает, что старые длинные коль-

чуги с длинным рукавом теперь считаются ненужной деталью экипировки. Он также описывает чешуйчатую мисруду, которая представляла собой аналог европейской бригадины. Также он упоминает «тканую и вышитую» джидлу и традиционный исламский пластинчатый джавшан.

Если говорить о шлеме, то все источники единодушно свидетельствуют о том, что андалузская конница отказалась от тяжелого европейского шлема, заменив его разными типами легкого шлема, плотно сидящего на голове. Кожаная дарака теперь была самой распространенной разновидностью щита. Ее держали на расстоянии от тела, гася удары, которые наносил противник. Знаменитый гранадский меч (джинете) предназначался для легкой конницы и изготавливался в Гранаде, Альерии и Мурсии. В конце XV века в Гранаде появились искривленные сабли, вероятно североафриканского происхождения.

Арбалеты с многослойными рогами стали основным пехотным оружием. Хотя ибн-Худхайл полагает, что арабский лук лучше подходит для конного воина, гранадская конница все же чаще вооружалась арбалетами вместо луков. Ибн-Худхайл описывает конструкцию арбалета достаточно подробно, называет различные породы древесины и приводит математические формулы, необходимые для расчета правильных пропорций арбалета. Стремя крепилось к ложу арбалета ремнем, вырезанным из шкуры горного козла. Тетиву плели из хлопчатобумажной нити. Автор также отмечает, что искусство стрельбы из арбалета прямо зависит от времени, потраченного на тренировку, а также от навыка плавно спускать тетиву.

В XIII веке ибн-Саид писал, что каждый андалузский конный воин имеет свой уникальный герб, так же как и испанские рыцари. Однако после того как в Гранаде отказались от копирования тактики европейской рыцарской конницы, в прошлое ушли и гербы. Большинство флагов Насридов имело красное поле, на котором помещались различные надписи религиозного характера.

Не вызывает удивления то обстоятельство, что эмират Гранада большое внимание уделял строительству укреплений. Насриды нашли имеющиеся укрепления устаревшими и частично разрушенными. Поэтому была предпринята крупная программа по восстановлению и перестройке укреплений. Особенно активно шло строительство вдоль побережья, где возводились сторожевые башни (талиа) и рибаты с добровольческими гарнизонами. Многие пограничные замки Гранады ничем не отличались от испанских. Обычно замок имел каменный донжон и двойную крепостную стену. Большие крепости Насридов были построены в муваххидском стиле. Вход в крепость имел два, а то и три поворота. Иногда главную линию укреплений окружала дополнительная низкая стена (сулукийя). В некоторых случаях замки получали внешние башни – баррани, которые выходили за линию стен, соединяясь с основным комплексом мостом, проходящим над стеной. Еще одной типичной разновидностью укреплений была калахурра – укрепленная башня, достаточно комфортная, чтобы в ней мог жить правитель. Наконец, некоторые гранадские замки позднее получили пушечные бойницы, а у основания главных башен были выстроены бастионы с орудийными батареями. Гранадцы использовали пушки для стрельбы по кораблям католиков во время осады Алхесираса в 1342–1344 годах. Одни пушки стреляли ядрами, другие – большими стрелами. Спустя полтора века арсенал огнестрельного оружия у последних защитников Гранады включал в себя всевозможные виды ручного огнестрельного оружия того времени и пушек разного калибра.

Исламский флот пытался держать Гибралтарский пролив открытым, чтобы обеспечить связь с Северной Африкой. Прежде чем мусульмане потеряли Гибралтар, здесь у них была база для многочисленного флота. Флот, по крайней мере его галерная часть, состоял из флотов (устул), которыми командовали адмиралы (каид аль-бахр). Оружием кораблей служили луки и арбалеты команды. На каждом корабле имелся офицер-раис, отвечавший за плавание, и каид, отвечавший за абордажные команды. Именно ослабление морского могущества Гранады стало одной из основных причин ее падения как государства.

Впервые со времен Людовика Святого одно из главных европейских правительств сумело организовать и успешно провести длительный большой крестовый поход. Для этого потребовались объединенные и хорошо координированные усилия, потому что Гранада была отлично вооружена и окружена сильными укреплениями. Завоевание ее требовало применения крупных военных сил, терпеливо, год за годом используемых для уменьшения размеров эмирата путем захвата отдельных местностей. Мобилизация людей, лошадей и мулов, создание и поддержание артиллерии и пороховых складов, запасов продовольствия и снаряжения требовали централизованных усилий. Только в осаде Басы в 1489 году участвовало около 52 тыс. воинов. И в первую очередь для этого нужны были огромные деньги – около 800 миллионов мараведи (золотых испанских монет) согласно некоторым сообщениям. Снабжением войска и финансированием войны занималась сама королева. Как писал один из историков этой войны Фердинанд дель Пульхар, «королева не прекращала думать о том, как достать деньги на войну с маврами и для других целей своего королевства».

Большая часть средств на эту войну была получена из крестоносных источников – из церковных налогов и от продажи индульгенций. И король Фернандо V Арагонский, и Изабелла Кастильская прилагали все усилия к тому, чтобы каждая крестовая папская булла становилась широко известной. Результаты этих действий можно назвать поразительными, особенно если вспомнить о непопулярности проповеди антитурецкого крестового похода в других странах Европы. В какой-то степени этот успех можно объяснить тем, что индульгенции продавались недорого, привилегии даровались щедро, проповедники и сборщики налогов пользовались всесторонней поддержкой светских властей, а с фронта поступали регулярные сообщения о том, что получаемые средства действительно тратятся на войну. Кастильцы не только давали деньги, но и воевали и погибали во имя национального и священного дела. Сочетание патриотизма с религиозным рвением уже наблюдалось в некоторые моменты Столетней войны и в борьбе гуситов в Чехии, но наиболее ярко оно проявилось в 1480-х годах в Кастилии. Прямое государственное руководство крестовым походом вкупе с патриотизмом и религиозным рвением указывало на дальнейший путь развития крестоносного движения.

Деревянные панели из собора Толедо. На них изображено покорение крестоносцами эмирата Гранада. Здесь показан разгром и пленение эмира Гранады (эмир справа на переднем плане) Мухаммеда XII Абу Абд Аллаха (Боабдила) в сражении при Лусене в 1483 г.

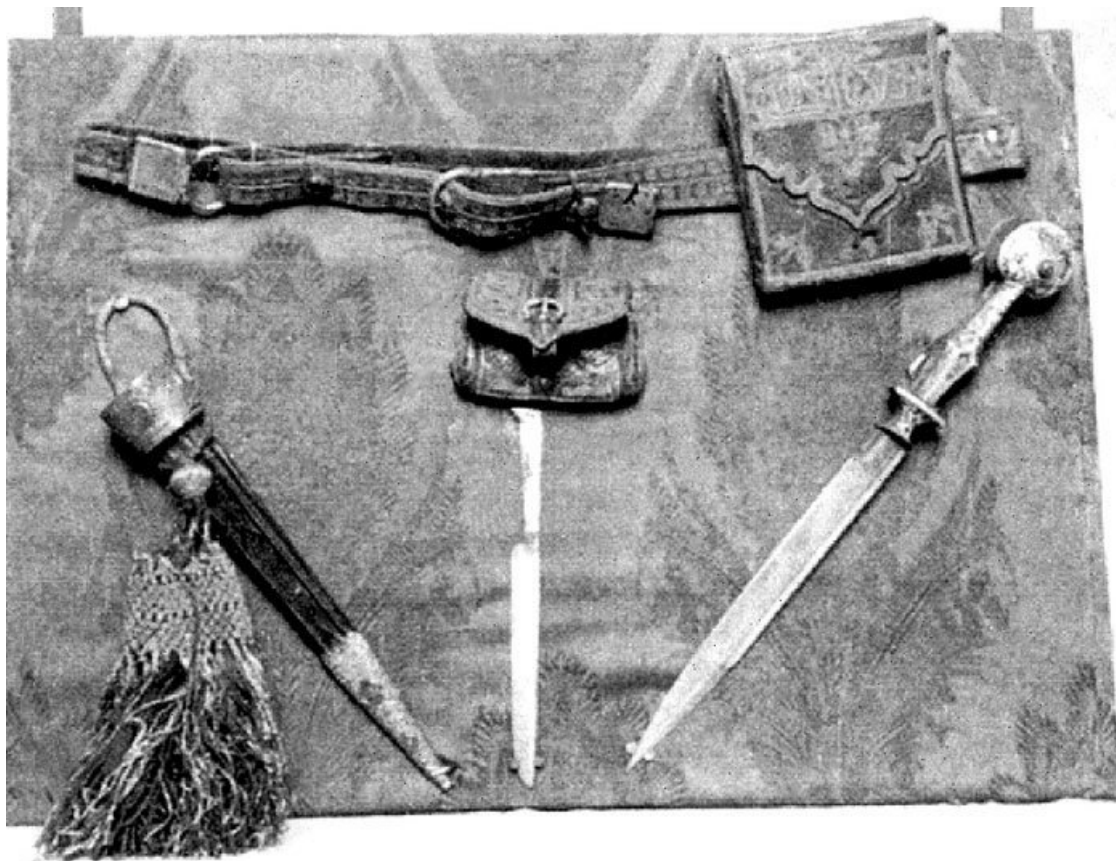
Шлем-салад испанского производства, позолоченный и украшенный инкрустацией и эмалью. По преданию, принадлежал последнему эмиру Гранады Мухаммеду XII Абу Абд Аллаху (Боабдилу).

В прибалтийских же районах Пруссии и Ливонии, разделенных бесконечно оспариваемой полосой земли, Тевтонский орден с успехом продолжал вести свое продвижение на восток. Борьба с языческими племенами была уже не столь кровавой и ожесточенной, как в XIII веке, особенно в западных областях Пруссии. Тевтонский орден сохранял кое-какие владения в Средиземноморье, в частности в Сицилии и Апулии, а также командорства и вербовочные пункты во Франконии и в Тюрингии, в долине Рейна и в других германских землях. В отличие от испанских орденов, Тевтонский орден не располагался на территории какого-то одного государства. Пруссия и Ливония не входили в состав Германской империи и находились в зоне влияния и императора, и папы, что часто приводило к спорам и противостоянию этих двух властей. Внутри самого ордена велись жаркие споры: братья, находившиеся в Прибалтике, призывали перенести штаб-квартиру на север и сконцентрировать все усилия на борьбе с литовцами, другие же хотели продолжать действия по возвращению Святой земли. Наконец, в 1309 году гроссмейстер Зигфрид фон Фейхтванген перенес главный монастырь из Венеции в Пруссию, не спрашивая на то согласия братьев. Его преемник Карл фон Трир был выслан в 1317 году в Германию. В 1324 году в Пруссии был выбран следующий гроссмейстер Тевтонского ордена – Вернер фон Орсельн, и начиная с этого времени резиденцией гроссмейстеров стал огромный

замок на берегу реки в Мариенбурге. Для постоянного поступления необходимой для существования ордена военной добычи рыцарям-монахам приходилось проводить частые военные кампании. При гроссмейстере Винрихе фон Книпроде (1352–1382) литовцам было нанесено сокрушительное поражение с помощью знатных западных добровольцев. Кстати, даже маршал Франции Жан де Бусико в молодости три раза принимал участие в походах Тевтонского ордена, а будущий король Англии Генрих IV – два раза. Каждый год тевтонские рыцари обычно проводили две военные экспедиции в Пруссию и одну в Ливонию. Что интересно, успехи Тевтонского ордена способствовали его падению. Так, под натиском рыцарей ордена в 1386 году литовцы объединились с поляками и в 1389 году официально приняли христианство, что лишило смысла существование Тевтонского ордена. Потому что «Священную войну» стало просто не с кем вести. Но орден, несмотря на это, продолжал вести военные действия, преследуя уже чисто политические цели. В конечном итоге враги Тевтонского ордена объединились в стремлении вернуть свои земли, и в 1410 году поляки и их союзники наголову разбили тевтонскую армию при Грюнвальде. Понесся серьезные потери, Тевтонский орден все же смог выжить и остаться в Мариенбурге под руководством энергичного гроссмейстера Генриха фон Плауена.

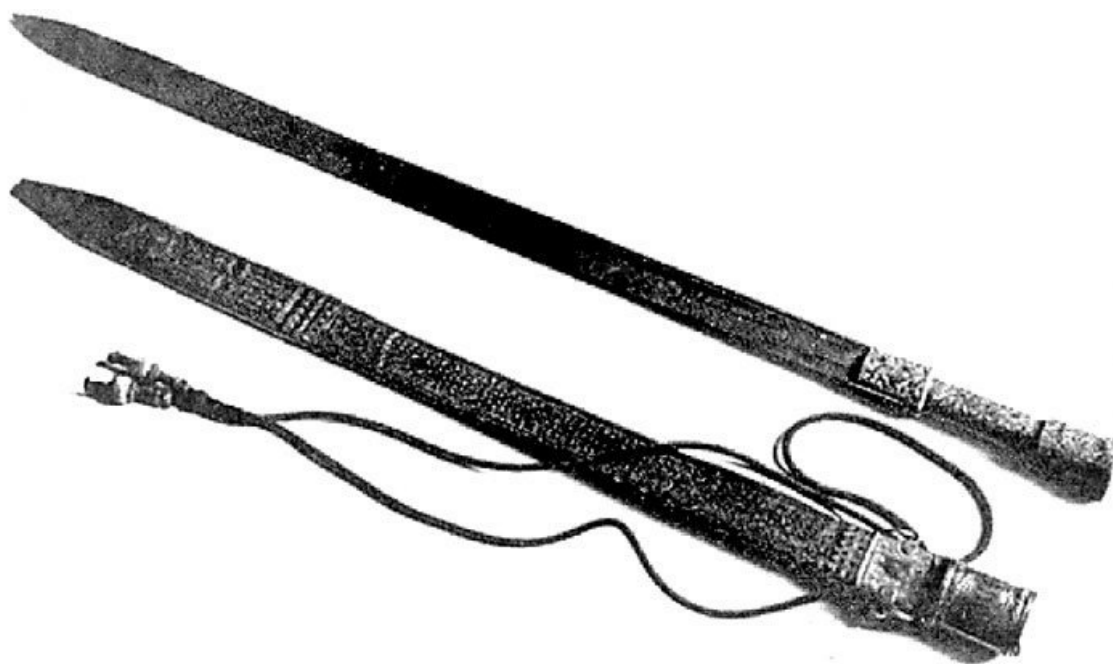

Меч, ножны и фрагмент перевязи из Гранады. По преданию, принадлежал последнему эмиру Гранады Мухаммеду XII Абу Абд Аллаху (Боабдилу).

Кинжал с ножнами, а также обеденный нож, пояс, кошель и подсумок. По преданию, эти вещи были отобраны у эмира Гранады Мухаммеда XII Абу Абд Аллаха (Боабдила) во время его первого пленения.

В 1487–1499 годах кастильские военно-монашеские ордена были практически национализированы короной. В 1523 году орден госпитальеров был вынужден покинуть остров Родос. В 1525 году прусское отделение Тевтонского ордена превратилось в светскую организацию. Германское и ливонское отделения Тевтонского ордена просуществовали до 1561 года. Реформация нанесла удар и по ордену госпитальеров, его приорства были распущены протестантскими правителями: в Швеции – в 1527 году, в Норвегии – в 1532 году, в Дании – в 1536 году и в Англии – в 1540 году.

Еще один небольшой меч с ножнами, находившиеся в арсенале эмира Гранады Мухаммеда XII Абу Абд Аллаха (Боабдила).

Рыцари Тевтонского ордена в прусском крестовом походе сражаются с язычниками-прусами. Фрагмент картины из Исторического музея замка Торуня, который в свое время принадлежал Тевтонскому ордену.

В XVI веке испанские военно-монашеские ордена и Тевтонский орден претерпевали фундаментальные изменения, приведшие к прекращению ими активных военных действий, только орден госпитальеров продолжал воевать. Его по-прежнему поддерживали и папа, и импера-

тор, и многие другие правители. Папа Климент VII, выбранный в 1523 году при участии магистра госпитальеров, раньше и сам был членом этого ордена. После вынужденного отплытия с Родоса в 1523 году великий магистр госпитальеров (госпитальеров тогда называли родосскими рыцарями) Филипп Виллье де л'Иль-Адан со своими рыцарями странствовал целых восемь лет, пока император Священной Римской империи Карл V не отдал ордену в ленное владение маленький скалистый остров Мальту с двумя соседними островами – Гоцо и Комино. Новые владения госпитальеров находились в Средиземном море между Сицилией и североафриканским побережьем. С этого времени госпитальеров стали называть мальтийскими рыцарями. Мальтийский орден (госпитальеры), обосновавшись на новом месте, стал проводить активную антитурецкую деятельность, можно сказать, что он стал форпостом христианских держав в борьбе с Османской империей, достигшей к этому времени апогея своего могущества. Наивысшего расцвета Мальтийский орден достиг в правление великого магистра Жанна де ла Валлетта (1557–1568 гг.), ветерана последней осады Родоса в 1522 году, при котором Мальте пришлось выдержать страшную осаду турок. После 1561 года Мальтийский орден продолжал оставаться активной и независимой военной организацией. В 1565 году мальтийские рыцари сумели отбить нападение турок, что придало им уверенности, и они стали тут же строить новый город – Ла-Валлетту – и мощную систему фортификационных укреплений вокруг главной гавани. В итоге благодаря стараниям Мальтийского ордена остров превратился в мощный бастион, угрожавший стратегическим коммуникациям между Стамбулом и Александрией, которые были столь необходимы мусульманам для войны на фронтах Египта, Туниса, Алжира и Марокко. Массивные новые укрепления, превратившие остров в огромную каменную крепость, делали его практически неприступным, и турки больше не осмеливались нападать на Мальту. Военный успех мальтийских рыцарей основывался на постоянном контроле морских вод от Туниса до Калабрии, причем главной целью госпитальеров было не потопление вражеских кораблей, а захват добычи, выкупы и рабы. Госпитальеры также принимали активное участие в общеевропейской жизни – их часто можно было встретить при папском, французском, венецианском и других дворах, где они иногда даже занимали светские посты. В Ла-Валлетте была организована морская академия для командного состава, и многие ее выпускники стали офицерами французского флота, но к XVIII веку война на море пошла на убыль, как, впрочем, и сама турецкая угроза. Но, несмотря на то что война на море почти затихла, причем во многом благодаря госпитальерам, мальтийские рыцари полностью военные действия не прекращали никогда. Так, например, в 1749 году госпитальеры атаковали Оран, а в 1798 году около своего острова захватили тунисское судно. Госпитальеры пользовались в Западной Европе большим уважением, и многие из них находились в близких семейных и политических отношениях с правителями своих провинций. Орден по-прежнему официально находился под юрисдикцией папского престола, и решения пап оказывали влияние на его политику. В 1792 году Национальная ассамблея Франции конфисковала французское имущество ордена, а 12 июня 1798 года Мальта без боя сдалась Наполеону. После сдачи острова госпитальеры обвинили магистра Фердинанда фон Гомпеша в измене и сместили его с должности. Следующим великим магистром ордена госпитальеров стал в 1798 году 16 декабря российский император Павел, а резиденция ордена (конвент) была перенесена в Санкт-Петербург. После смерти императора Павла его преемник Александр I отказался от звания великого магистра, а потом и вовсе упразднил орден на Российской земле. Постепенно орден стал терять свои земли и в других странах, и в 1834 году капитул ордена был перенесен в Рим. С тех пор судьба ордена госпитальеров тесно связана с историей папского престола.

Великий магистр Тевтонского ордена Зигфрид фон Фейхтванген. Статуя находится во внутреннем дворе Среднего замка Мариенбурга (Мальборка). Во главе Тевтонского ордена стоял магистр, который в начале XIII века стал именоваться великим магистром, чья власть постоянно расширялась. Великий магистр на основании устава 1297 года становился властелином, пользующимся абсолютной властью как над орденом, так и над людьми, живущими на территориях ордена, и над их имуществом. Единственное, что ограничивало всемогущество магистра, так это положения устава военно-монашеского ордена и капитул. Все командоры провинций и высокопоставленные лица ордена собирались для обсуждения вопросов на генеральном капитуле. Генеральный капитул был высшей властью внутри ордена, он играл роль законодательной власти наряду с великим магистром, который осуществлял исполнительную власть.

Тевтонский орден после падения Мальты еще какое-то время продолжал участвовать в военных действиях. Орден потерял в 1525 году Пруссию, но сохранил владения во многих католических и даже некоторых протестантских германских землях. В 1561 году последний ливонский магистр Готхард Кеттлер сам перешел в протестантство и превратил орденское государство в светское. Часть Ливонии отошла к Польше, а бывший магистр стал наследственным герцогом Курляндии и Семигаллена. К 1577 году в Тевтонском ордене насчитывался всего 171 человек. В 1595 году тевтонские рыцари воевали с турками уже не как представители Тевтонского ордена, а в качестве членов императорского двора. После 1606 года все тевтонские рыцари теоретически были обязаны прослужить в армии ордена три года, но на практике вместо этого они могли управлять командорствами, занимать посты в администрации в Мергентейме или вступать в регулярную германскую армию. Начиная с 1648 года в орден на равных правах стали приниматься лютеране и кальвинисты, и Тевтонский орден стал трехконфессиональным.

Тяжеловооруженная рыцарская конница конца XV века. Точно такое же оружие и защитное снаряжение было у рыцарей военно-монашеских орденов.

В 1658 году Тевтонский орден обсуждал планы совместных действий с Венецией и Мальтой (госпитальерами), а в 1662-м – организации тевтонской флотилии на Дунае. В 1664 году гроссмейстер Тевтонского ордена Иоганн Каспар фон Ампринген командовал отрядом рыцарей в бою с турками в Венгрии, а в 1668 году он провел неудачную экспедицию против турок на Крит. Некоторые тевтонские рыцари воевали в составе гарнизонов городов на османской границе. С 1696 года гроссмейстер Тевтонского ордена финансировал полк в составе австрийской армии, в котором служили члены ордена, получая жалованье как от своих командорств, так и от австрийского военного начальства; в 1740 году тевтонцы принимали участие в австро-прусской войне, но не в качестве рыцарей военно-монашеского ордена, а как представители немецкого княжества. Другими словами, Тевтонский орден как таковой в начале XVIII века

воевал крайне редко. В 1699 году орден насчитывал всего 94 рыцаря и 58 священников. Тевтонский орден пробыл в Мергентейме до 1809 года, после чего перенес свою резиденцию в Вену. Как и орден святого Стефана, и испанские ордена, Тевтонский орден был инкорпорирован в светскую армию, однако владения ордена, сохранившиеся за пределами Австрии, обеспечивали ему некоторую независимость.

На реконструкции показано, как тяжеловооруженная рыцарская конница конца XV века преодолевает водную преграду.

Испанские военно-монашеские ордена тоже стали редко участвовать в военных действиях. В 1625 году три испанских ордена насчитывали 1452 брата, из них 949 – почти две трети – состояли в ордене Сантьяго. В 1637 и 1645 годах король Испании и Португалии Филипп IV, готовясь к войне с Францией, неоднократно требовал от братьев выполнить их военные обязанности перед короной, но орденское дворянство совсем не стремилось участвовать в сражениях и всячески пыталось избежать этого с помощью протестов и уловок. В 1640 году для формирования батальона было собрано 1543 рыцаря из военно-монашеских орденов, включая орден Монтези, но только 169 (11 процентов) из них оказались пригодными для защиты родной земли – остальные братья были либо слишком молоды, либо слишком стары, либо слишком больны, либо просто не хотели принимать участия в военных действиях. Последние посылали за свой счет замену, платили штрафы или укрывались от призыва. И в конце концов этот батальон был послан на усмирение взбунтовавшихся каталонцев. После этого инцидента рыцари стали откупаться от обязанности нести военную службу. Как и в случае Тевтонского

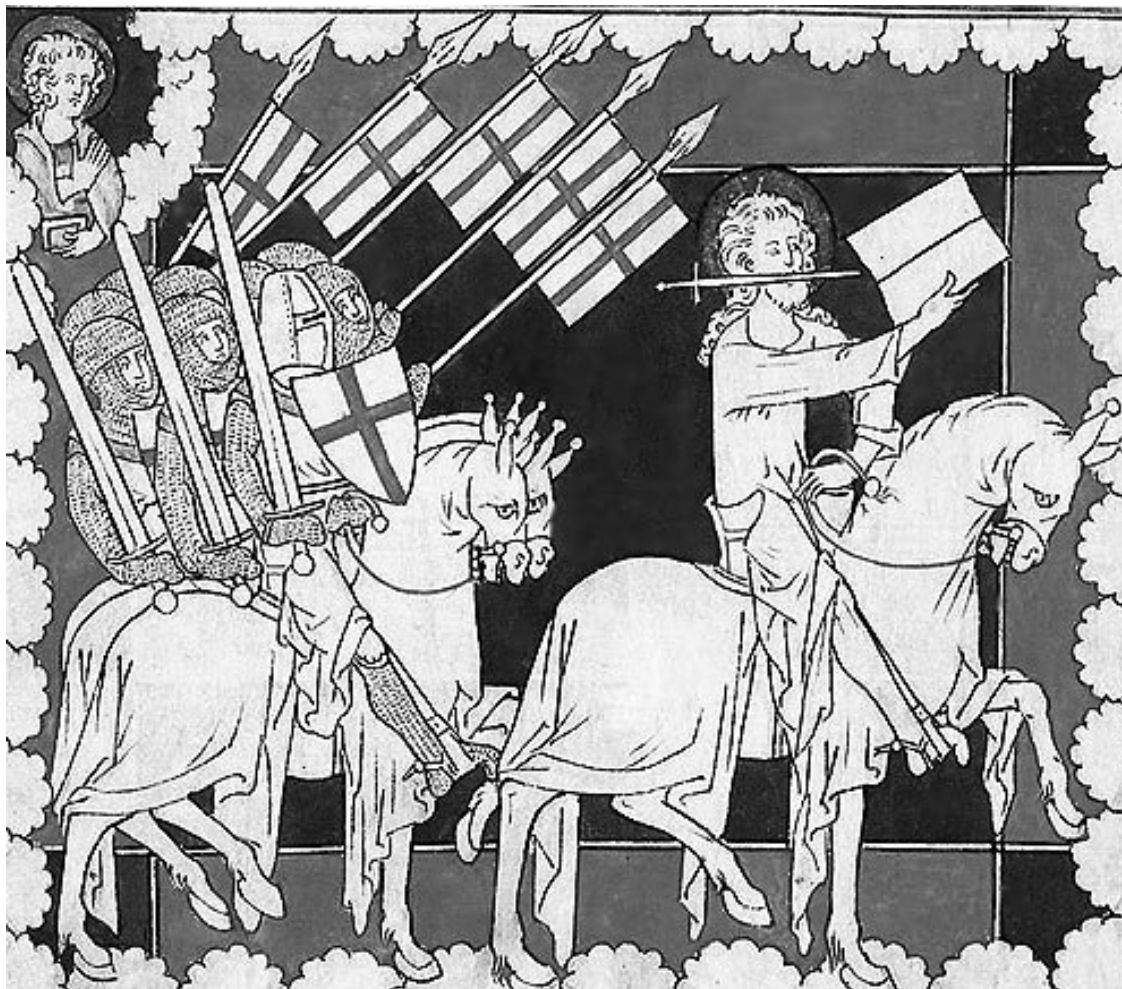
ордена, члены которого воевали за интересы австрийского престола, батальон испанских орденов не представлял собой группу рыцарей-монахов, защищавших христианское дело, набранные туда люди просто были обязаны защищать территории своего светского государя. В 1775 году три полка, содержавшиеся орденами Алькантарой, Сантьяго и Монтесой, послали на осаду Алжира всего 468 человек. Испанские ордена превратились в анахронизм. Что же касается португальских орденов, то они перестали существовать в 1820–1834 годах, а владения всех трех кастильских орденов были конфискованы в 1835 году.

В XIX веке военно-монашеские ордена были обречены на отмирание, так как они являлись частью «старого режима». Конфискации и другие репрессивные меры, проводившиеся против военных орденов Наполеоном и победителями Великой Французской революции, поставили точку в военной деятельности этих организаций. С этого времени ордена превратились в невоенные аристократические братства, благотворительные или эзотерические организации.

Глава 2

Ведение боевых действий на суше

К моменту создания военно-монашеских орденов главной силой западноевропейского войска являлась тяжеловооруженная рыцарская конница. Именно поэтому тяжеловооруженные конные рыцари стали основной ударной силой всех военно-монашеских орденов. Помимо рыцарей в боевых действиях военно-монашеских орденов активное участие принимал и простой служилый люд – сержанты. При необходимости сержанты могли выполнять функции пехоты, но оружие и доспехи у них и у рыцарей были схожими, и сержанты никогда не использовались в качестве легкой кавалерии, какая встречалась у мусульман. И сержанты, и рыцари были постоянными членами ордена, но иногда бок о бок с ними воевали светские рыцари, вступавшие в орден только на определенный срок. В Святой земле ими были приходившие с запада крестоносцы. Иногда ордена требовали отбывания воинской повинности у своих вассалов, а иногда даже использовалась наемная военная сила. В Святой земле в военно-монашеских орденах службу по найму могли нести местные жители, которым предоставлялись лошади и луки. В некоторых орденах на стороне рыцарей-монахов сражались так называемые донаты и конфратеры. Донаты представляли собой знатных рыцарей – кандидатов в члены ордена, которые в качестве кандидатского задания обязывались совершить паломничество на Святую землю за свой счет. Конфратерами являлись знатные люди, которые по какой-либо причине не вступали в орден, хотя были с ним тесно связаны. Конфратеры привлекались к решению боевых задач орденов. Имелась даже некая упрощенная церемония посвящения в конфратеры.

Конные рыцари-крестоносцы. Миниатюра из манускрипта XIII века.

Вооружение и защитное снаряжение рыцарей и сержантов военно-монашеских орденов на всем периоде их существования было точно таким же, как и у остальных рыцарей и простых незнатных воинов западноевропейских государств. Единственным отличием было то, что членам орденов запрещалось иметь украшение как на оружии, так и на защитном снаряжении (правда, часто этот запрет нарушали, особенно если речь шла о члене ордена, принадлежащего к знатному и богатому роду). По статутам военно-монашеских орденов, доспехи сержантов были легче рыцарских доспехов. В первые годы существования военно-монашеских орденов разделение на братьев-рыцарей и братьев-сержантов не существовало – все были просто братьями. Лишь в начале XIII века сержанты начали выделяться в отдельную группу, при этом по численности они уступали рыцарям. Братья-сержанты подразделялись на воинов, чиновников и слуг.

Латунная статуэтка-аквамантила в форме конного рыцаря. Рыцарь изображен одетым в сюрко. Щит и пика потеряны, так же как и крышка, закрывавшая сверху шлем. Конская упряжь украшена розетками. Примерно с середины XII века практически во всех армиях европейских государств тяжеловооруженный конный рыцарь, вооруженный копьем, становится главной атакующей силой. Техника рыцарского боя, основанная на таранном ударе копья, оказалась очень эффективной. Выглядело это так: рыцарь, сидя на коне, упирался прямыми ногами в стремя, спиной прижимаясь к высокой луке седла; основное свое оружие – копье он неподвижно зажимал под мышкой (иногда, если позволяла конструкция щита, копье укладывали на его край). Именно такое жестко зафиксированное положение рыцаря в седле, представляю-

щего собой единое целое со своим конем, и давало возможность передать копьё всю поступательную энергию движения животного. Удар копьё, зажатого под мышкой, был во много раз мощнее, чем удар, нанесённый простым выбросом руки (как это делали во времена Вильгельма Завоевателя). Дело в том, что, когда копьё было зажато под мышкой, ему передавалась скорость галопирующего коня, умноженная на общую массу самого коня и тяжеловооружённого всадника, все это и превращало таранный удар копьём, зажатым под мышкой, во всеограшающий чудовищный по своей силе удар. В то время от рыцаря требовалось: крепко сидеть в седле, полностью контролировать движения своего коня, точно направлять копьё, зажатое под мышкой в цель, при этом прикрываться щитом от возможных ударов противника. Расцвет рыцарства как военной силы наступает в конце XII – начале XIII веков.

Наиболее ценным предметом экипировки светского рыцаря и рыцаря-монаха был боевой конь. Даже если рыцарь спешивался, конь определял его статус, скорость, маневренность и высоту над полем боя. Уставы и статуты военно-монашеских орденов определяли, сколько лошадей может быть у каждого брата. В идеале рыцарь-монах должен был иметь двух боевых коней на случай, если один конь будет убит в бою. Кроме того, рыцарю требовалась верховая лошадь для обычной езды и выючные лошади. Таким образом, у брата-рыцаря должно было быть четыре коня: два боевых коня, верховой конь или мул и выючная лошадь. Рыцарю помогал оруженосец. Братьям-сержантам полагалась всего одна лошадь и не полагались оруженосцы. Однако те братья-сержанты, что исполняли особые поручения, например сержант-знаменосец, имели запасную лошадь и оруженосца.

Надгробие неизвестного рыцаря. Лондон, XIII век, церковь тамплиеров. Возможно, это надгробье Гилберта Маршала. В боковой прорези сюрко виден пластинчатый панцирь, надетый поверх кольчуги. Обратите внимание на щит. Плечевой ремень щита украшен накладками. В XII веке основополагающим защитным снаряжением рыцаря является кольчуга (хауберт). Внешний вид и длина кольчуги часто зависели от финансовых возможностей и уровня профессионализма воина. Так, некоторые рыцари носили кольчугу с короткими рукавами, а другие

с длинными. Но особенно большой популярностью в то время пользовалась кольчуга с капюшоном. Примерно в 1100–1130 годах среди рыцарей появилась тенденция удлинять кольчугу до икр. Но уже к 1150 году длина кольчуги снова стала до колена. Примерно в то же время для защиты ног воины все чаще надевают кольчужные чулки – шоссы, которые к 1190 году становятся обязательным защитным снаряжением рыцаря. Шоссы привязывались ремешками к поясу штанов под кольчугой. Начиная с конца XII века шоссы воина выглядят как обычные чулки со ступнями. Голову воина в то время защищал шлем, имевший коническую, полусферическую либо горшковидную форму тульи. К тулье часто прикрепляли наносник или закрытую маску с прорезями для глаз.

В качестве ездовых лошадей использовали меринов или кобыл, но боевые кони обязательно были жеребцами. Конская упряжь воинов военно-монашеских орденов, как и вооружение, также отличалась простотой и не имела украшений. Рыцарю и сержанту позволялось иметь одну седельную сумку, в которой хранились фляга, столовый прибор и другие личные вещи, а также кожаную сетку, в которой перевозили кольчугу. Воины военно-монашеских орденов должны были самостоятельно ухаживать за своими конями и оружием. Они должны были беречь коней и обеспечивать их прокорм. Также они должны были беречь свое оружие и экипировку, не бить ими о твердые предметы, не бросать их и не терять. За потерю оружия следовало наказание.

В каждом военно-монашеском ордене за оружие и защитное снаряжение всех воинов отвечал маршал ордена. Именно через него проходили все подарки, наследства и трофеи. Одним из источников новых доспехов и оружия для орденов были как раз подарки и трофеи, но большую часть вооружения, конечно же, военно-монашеские ордена изготавливали сами в своих мастерских. Правда, братьям запрещалось без разрешения пользоваться продукцией этих мастерских. В ордене существовал определенный набор военного имущества, который дозволялось иметь братьям. Дополнительную экипировку воин-монах мог надеть, только испросив разрешения. Сражаясь на Святой земле, ордена постоянно испытывали дефицит военного имущества. Нехватка была настолько острой, что экипировка умерших или погибших братьев немедленно передавалась живым. Имелась четкая регламентация того, кто должен распределять различные виды экипировки в ордене. Так, высвободившиеся кони и упряжь поступали в ведение маршала. Оружие и защитное снаряжение собирал драпьер, ему же поступала одежда. Столы, кухонные принадлежности, книги, богослужебную утварь и т. п. собирали капитулярные бейлифы и представители магистра, причем последние передавали имущество магистру. Все собранное капитулярными бейлифами поступало к великому магистру. Все деньги передавались в казну. Кстати, братья, покидавшие Палестину, должны были оставлять там свои доспехи. Это позволяло экипировать братьев, прибывших на место уезжавших. Арбалеты составляли отдельный пункт в списке имущества, ими ведала казна ордена. Позднее обычаи стали более детализированы. Они касались перераспределения таких вещей, как турецкие ковры, седла, дротики, конские доспехи, флаги, вымпелы, боевые кони, верховые лошади, мулы, мусульманское оружие, все виды западного оружия ближнего и дальнего боя, защитного снаряжения и упряжи. Все перечисленное поступало к маршалу. Маршал ордена осуществлял не только контроль, но и распределение всего военного имущества, пайков, одежды и коней, которым уделялось особое внимание, так как от их состояния, численности, подготовленности напрямую зависела боеспособность тяжеловооруженной рыцарской конницы военно-монашеских орденов. Маршал лично осматривал доставляемых в орден коней и распоряжался направить их туда, где в них больше всего нуждались. Братья не имели права выбирать себе животных, хотя могли заявить, что их конь негоден, и получить другого. В статутах орденов указывалось о необходимости приобретать для военных нужд как жеребцов, так и кобыл. Многие ордена даже занимались разведением лошадей, так, например, Тевтонский орден имел

довольно крупный конезавод. В военных походах маршал командовал силами ордена, находившимися в его непосредственном распоряжении, а также командовал всеми вооруженными силами ордена в случае отсутствия магистра. Фактически маршалу подчинялись все командиры, действовавшие в Палестине, исключая капитулярных бейлифов и личных представителей магистра. Будучи самым старшим из конвентуальных бейлифов, маршал непосредственно отвечал перед великим капитулом ордена. Знаменосец маршала одновременно был знаменосцем всего ордена. Маршалу позволялось иметь четыре коня, двух оруженосцев, двух выючных животных и погонщика. Маршал военно-монашеского ордена представлял собой значимую фигуру, мнение которой часто играло решающую роль в различных политических вопросах. Маршал ордена располагал собственным служебным аппаратом, состоявшим из двух частей. Первая часть – арсенал – занималась всем военным имуществом. Вторая часть – конюшни – отвечала за конское поголовье ордена (коней всегда не хватало, поставки коней из Европы были крайне ограничены). Помимо магистров и маршалов в военно-монашеских орденах имелись и такие должности, как: командор-казначей (отвечал за казну и кладовые ордена) и туркопольер (командовал наемниками туркополами). Гарнизонами замков командовали кастеляны, подчинявшиеся маршалу. При наличии у военно-монашеского ордена кораблей добавлялась должность адмирала. Адмирал командовал всеми суднами ордена и их экипажами. Были в орденах и другие ответственные должности, вроде мастера-арбалетчика и мастера-сержанта, которые занимали люди, не состоявшие в ордене.

Во время военных походов воины военно-монашеских орденов вели строгую полевую жизнь. Статуты орденов четко определяли поведение братьев во время похода. Так, магистр ордена обладал полномочиями главнокомандующего, но не начинал боевые действия без согласия центрального совета. Воины орденов не должны были собирать вещи и садиться на коней до поступления приказа. После того как отдана команда садиться на коней, рыцари должны сесть верхом и медленно двинуться вперед. Оруженосцы следуют за рыцарями.

В походе войско военно-монашеских орденов строилось колонной. Знаменосец ордена занимал место во главе колонны. Конные воины двигались шагом или иноходью, каждый рыцарь гнал перед собой выючную лошадь со своей экипировкой. Ночью на марше соблюдалась полная тишина. Днем рыцарям-монахам разрешалось вести негромкий разговор, но при этом рыцари должны были следить, чтобы их выючные лошади шли прямо перед ними, не отрываясь и не уходя в сторону. На водопое дисциплинированные воины орденов не ломали строя, если только дело не происходило в глубине дружественной территории, где возможность встречи с противником полностью исключалась. Это делалось для того, чтобы не допустить разделения войска.

С приближением ночи знаменосец должен был решить, где колонне будет удобнее остановиться. Найдя подходящее место, он объявлял: «Ставим лагерь, братья, с Божьей помощью». В центре лагеря возводилась палатка походной часовни. Рядом с ней палатка маршала, палатка трапезной и палатки других командиров. Эту группу окружали палатки остальных братьев. Когда палатки были установлены, а имущество внесено внутрь, слуг отправляли за фуражом для коней, древесиной для костров, водой. Удаляться от лагеря разрешалось только на расстояние слышимости звукового сигнала. Объявления по лагерю делал глашатай, чья палатка находилась рядом с палаткой гонфаньера. Если мусульмане нападали на лагерь и объявлялась тревога, отражать нападение должны были те братья, чьи палатки находились рядом с угрожаемым участком. Остальные должны были явиться к палатке-часовне для получения приказов. Например, когда в 1219 году при осаде Дамьеты мусульмане напали на лагерь христиан, крестоносцы смешались, тогда как тамплиеры быстро организовали контратаку и выбили противника из лагеря. Очевидец тех событий Оливер Падерборнский так описывает действия тамплиеров: «Дух, снизошедший на Гедсона, передан другим тамплиерам. Магистр ордена вместе с маршалом и другими братьями, успевшими собраться, атаковали через узкий проход и муже-

ственно вступили в бой с неверными... Господь сохранил тех, кто верил в Него, через мужество тамплиеров и тех, кто был с ними и принял бой».

В полевом лагере или в замке во время войны воинам-монахам не позволялось без разрешения покидать периметр. Им также запрещалось по собственной инициативе отправляться на фуражировку или разведку. Одиноким воин представлял собой идеальную мишень.

Посторонние могли входить в лагерь военно-монашеских орденов, так же как и воины орденов могли посещать лагерь крестоносцев. Воины-монахи могли иметь собственные запасы провианта в обозе, но статуты также упоминают дары, которые ордена получали во время военной кампании. В орденах тщательно следили за тем, чтобы каждый брат получил свой паек и никто не оставался голодным. Остатки еды раздавались бедным. Два брата-рыцаря получали столько же еды, сколько трое туркополов, а два туркопола получали столько еды, сколько три брата-сержанта. То есть размер рациона воина прямо зависел от тяжести вооружения воина и его боевой ценности. От братьев не ожидалось, что они съедят весь паек без остатка, остатками следовало накормить нищих.

Когда подходило время снимать лагерь, братья разбирали палатки и сворачивали их, но грузить вьючных животных начинали только по команде маршала. Прежде чем выступить в поход, братья тщательно осматривали территорию прежней стоянки, чтобы убедиться, что ничего не забыто.

Когда братья вступали в бой, маршал отдавал приказ сформировать эскадроны. В уставах орденов говорилось, что «когда формируются эскадроны, братья не должны переходить из одного эскадрона в другой», если только это не произошло в результате смещения на поле боя. Братья не имели права покидать строй и атаковать без разрешения. Единственным исключением была попытка спасти христианина, которому угрожала смерть или плен. Туркополы формировали свои эскадроны, а сержанты строились вместе с братьями-рыцарями. Братья-сержанты строились за рыцарями и должны были в бою поддерживать их действия.

Маршал, военный руководитель ордена, должен был вести силы ордена в бой, но если присутствовал магистр, то командование переходило к нему. Паломник, посетивший Святую землю между 1167 и 1187 годами, так описывает атаку тамплиеров, свидетелем которой он оказался: «Их двухцветный штандарт, который они называют *baucant* (пестрый), выдвинулся в первые ряды. Они прошли в атаку, соблюдая порядок и не производя лишнего шума. Они горели желанием первыми вступить в бой и были энергичнее прочих. Они первыми начинали движение и последними отступали. Прежде чем действовать, они ждали приказа магистра. Когда они решали, что имеет смысл вступить в бой, трубы подавали сигнал к атаке. Они благочестиво запевали псалом Давида, брали копья наперевес и устремлялись на врага. Как одно целое, они с неистовой яростью врубались в боевые порядки противника и не отступали до тех пор, пока противник не оказывался разбит или они сами не гибли. Они последними выходили из боя и следовали в арьергарде, прикрывая основные силы. Если же кто из них показывал спину противнику, или действовал недостаточно решительно, или поднимал оружие на христиан, того ждало суровое наказание».

Братья, которые нарушили строй, по свидетельству очевидцев, лишались мантии и должны были в течение года есть с земли вместе с собаками.

Те братья-воины, которые бежали с поля боя, изгонялись из ордена, хотя братьям-работникам разрешалось отступить, если становилось ясным, что они уже ничего не смогут изменить в исходе боя. Братья, перешедшие к мусульманам, также изгонялись из ордена. Чуть более легким наказанием было лишение брата орденской мантии. Однако, понеся заслуженное наказание, брат имел право попросить свою мантию назад. Мантию отбирали за нападение на брата или другого христианина, за угрозу перейти к мусульманам, за убийство или умышленное калечение лошади. Такое же наказание полагалось за участие в несанкционированном нападении на мусульман, которое привело к гибели или пленению кого-либо из братьев. Брат-знаменосец

рисковал потерять мантию, если случайно опустил штандарт в бою, так как опущенный штандарт считался сигналом к отступлению. Прочие наказания включали в себя порку или лишение пищи и воды. Братья, совершившие серьезные преступления, заковывались в кандалы и заключались в тюрьму.

Миниатюра из Библии Мациевского. Франция, 1240–1250 годы. Показано полное вооружение европейской тяжеловооруженной рыцарской конницы XIII века. Боевые рыцарские кони покрыты попоной. Библия Мациевского является одним из лучших источников информации о военном вооружении и снаряжении XIII века. Это великолепно иллюстрированный Ветхий Завет, написанный около 1240–1250 годов, стал известен как Библия Мациевского, потому что он в XVII веке принадлежал польскому кардиналу Бернарду Мациевскому, который подарил ее персидскому шаху Аббасу. Над созданием Библии Мациевского трудилось несколько художников, прекрасно знакомых с военным делом (считают, что один из них был профессиональным воином).

Проступки братьев обсуждались на еженедельном заседании капитула в каждом командорстве. Серьезные случаи рассматривались раз в год на заседании провинциального капитула. В исключительных случаях рассмотрение дела проводилось на общем заседании капитула ордена, проводившегося раз в несколько лет. Братьям не разрешалось обсуждать результаты совета капитула с посторонними. Это была обычная практика для религиозных орденов, но она вызывала большое недовольство у родственников осужденных, которые не знали, за что их близкие понесли наказание. Внутренняя дисциплина орденов повышала их боеспособность, но часто приводила к дополнительным конфликтам с внешним окружением.

Миниатюра из Библии Мациевского. Франция, 1240–1250 годы. Показано полное вооружение европейского рыцарского войска XIII века, состоящее из тяжеловооруженных конных всадников и пеших воинов. Воины изображены в кольчужных хаубертах, рукавицах и кольчужных штанах с полной защитой стоп. Поверх хауберта некоторые воины носят налатную накидку. Для защиты головы используют: кольчужный капюшон, горшковый шлем и так называемую железную шляпу. Обратите особое внимание на конного воина, который, держа двумя руками свое длинное копье, пронзает вражеского всадника. Такая техника владения копьем была известна еще в античное время.

Не много известно о том, как проводилась военная подготовка в военно-монашеских орденах. Точно известно только, что все вступавшие в орден уже должны были иметь базовые навыки. Предполагают, что подготовка воинов-монахов проходила неформально и занимала около года. Для обучения военному делу использовали французские боевые рукописи, а не архаичные латинские тексты. Но в большинстве, конечно, вступавшие в орден рыцари и сержанты уже были профессиональными воинами. Поговорка того времени гласила: «Сделать из человека воина можно или в детстве, или никогда. Тот, кто просидел в школе до двенадцати лет, годится только в священники». В то же время никакого предубеждения против грамотно-

сти и хорошего образования рыцари не имели. Аббат Филипп де Бон-Эсперанс писал графу Филиппу Фландрскому в 1168 году: «Рыцарство нисколько не мешает образованности, так же как образованность нисколько не мешает рыцарству». Следует также добавить, что в германском варианте «Песни о Ланселоте» к главному герою в детстве был приставлен монах, который обучал будущего рыцаря грамоте.

С 10 лет в образование западноевропейского подростка военного сословия делался акцент на военную подготовку. Мальчика обучали: искусству верховой езды, умению точно в цель метать копье и стрелять из лука, плавать, фехтовать холодным оружием и бороться без оружия, сражаться копьем и укрываться щитом и т. д. Помимо военного дела его еще обучали и правилам поведения в обществе. Но особое внимание уделялось физической подготовке будущего рыцаря. Упражнения на развитие силы и выносливости были разнообразными. Так, например, мальчика заставляли бросать камни, бегать, прыгать, лазать по деревьям и штурмовать различной сложности укрепления. Все эти занятия способствовали быстрому профессиональному росту будущего рыцаря.

В XII веке тяжеловооруженные конные рыцари копьями сражались в плотном строю (конруа). Действие в плотном строю требовало значительной подготовки от участников атаки. Также от рыцаря требовалось умение действовать щитом. В «Песне о Роланде» сказано: «Щиты на их шеях и выставленные копья правильно чередовались». Необходимость слаженных действий облегчало командование. Выдвинутым вперед копьям можно было не только выбить противника из седла, но и пронзить его насквозь вместе с конем.

Боевые действия на Святой земле были гораздо опаснее рыцарских войн, проводимых на территории Западной Европы. Крестоносцы и воины-монахи несли тяжелые потери, особенно в конском поголовье от стрел неприятельской мобильной конницы. Поэтому, чтобы эффективно сражаться с многочисленными мобильными отрядами, состоявшими из легковооруженных конных лучников, со свойственными им приемами боя, европейцам пришлось применять совершенно иную тактику (считается, что именно столкновение христиан с мусульманами во время крестовых походов дало существенный толчок к развитию рыцарского военного дела и вооружения). Уже в первом крестовом походе пешему войску крестоносцев пришлось значительно расширить круг своих обычных действий. Тяжеловооруженные всадники могли достичь успеха только в лобовых атаках. Но уже при Антиохии в 1097 году рыцари были вынуждены встретить атаку врага в пешем строю и при этом добились необыкновенного успеха. Сто лет спустя, в третьем крестовом походе (1189–1192), Ричард I Английский (1157–1199) при Яффе в 1192 году повторил этот маневр с тем же успехом. Считается, что пеший боевой порядок был позаимствован им из правил афинянина Хабриса. С этого момента в Европе распространилось мнение, что военное искусство после падения Римской империи оказалось на ложном пути и что вот теперь оно снова должно подняться там, где пришло в упадок. Однако общество, в котором господствовали феодальные отношения, глубоко связанные с военным делом, было еще не готово к изменению старой тактики. К тому же по возвращении в Европу необходимость в ее изменении чувствовалась меньше. Только в Италии против развивающихся городских коммун была необходима осторожность, но бушевавшие здесь войны сводились большей частью лишь к утомительным осадам. Лишь сражаясь на Востоке, тяжеловооруженная западноевропейская рыцарская конница нуждалась в поддержке пехоты и легкой коннице, которая играла заметную роль в боях с мусульманами.

Крупномасштабных военных учений в то время не проводили. Правда, известно, что большие армии иногда отрабатывали скоординированное движение. Так, в рукописи англо-норманнского хрониста Уэйса приводится описание подобного мероприятия: «Те, кто шел пешком, двигались вперед плотными рядами, неся луки. Следом скакали рыцари, защищая тыл стрелков. Пешие и конные сохраняли строй, двигаясь в плотном построении с одинаковой скоростью. Никто никого не обгонял, не вырывался вперед и не отставал». Это описание очень

похоже на арабскую тактику XII века. От армии крестоносцев требовалась большая дисциплина, так как применяемая тактика, как правило, оставляла инициативу противнику. В таких условиях твердость военно-монашеских орденов была незаменима. У воинов-монахов никто не мог покинуть строй после того, как он был образован. Исключение допускалось, только если требовалось привести в порядок оружие и упряжь или помочь христианину, попавшему в беду. Если кому-то требовалось переговорить с командиром, следовало спешиться и спокойным шагом отойти в тыл. Вид скачущего назад всадника мог посеять панику. В походе военно-монашеские ордена действовали отрядами, называемыми эсхиллами. Такой отряд был меньше, чем требовалось для построения конруа. По сути, это было тактическое, а не организационное подразделение. Каждый конруа насчитывал от 20 до 40 воинов, которые строились в две-три шеренги. Несколько конруа выстраивались в линию, формируя боевой строй – батайл.

Арбалетчики стреляли залпами, стараясь поразить легких конных лучников противника, приблизившихся слишком близко. Залп позволял в какой-то мере скомпенсировать низкую скорострельность арбалета. Значительная часть пеших крестоносцев, в том числе и воины-монахи, имела полное защитное снаряжение.

В полевых сражениях на Востоке развитие атаки конных рыцарей проходило сложнее, чем об этом принято думать. Гонфалоньер организовывал несколько эскадронов оруженосцев, имевших при себе запасных коней. Оруженосцы держались за рыцарями, причем некоторые находились в непосредственной близости от штандарта. Туркополы шли вслед за рыцарями, готовые при необходимости поддержать первый эшелон. Иногда сержанты шли в одном строю с рыцарями, иногда формировали дополнительную шеренгу. Было важно не ломать рядов. Почти всю атаку кони шли рысью, переходя на легкий галоп непосредственно перед самой сшибкой. Уязвимыми местами строя были фланги и тыл. После сшибки никто уже не имел права покинуть строй, даже в случае ранения.

Как христианские, так и исламские авторы сообщают, что выбить тяжеловооруженного западноевропейского рыцаря из седла было очень тяжело. Вследствие чего рекомендовалось наносить удар по рыцарским боевым коням противника, а не по всадникам. Абу Шама, описывая исход битвы при Хаттине, прямо указывает: «Франкский рыцарь непобедим, если его конь в хорошем состоянии. Покрытый кольчугой с головы до ног, он больше похож на кусок железа. Самые страшные удары не производят на него никакого воздействия. Но если конь рыцаря убит, рыцарь становится беспомощным и легко берется в плен. Поэтому, хотя мы брали пленных рыцарей тысячами, коней среди трофеев практически не было. Многие пленные даже не были ранены». Было важно не рассыпать строй и не расстраивать ряды. Поэтому точкой сбора выпавших из строя рыцарей был штандарт. В некоторых военно-монашеских орденах имелись проработанные правила насчет того, к какому штандарту следует собираться тому или иному рыцарю.

Свинцовая печать магистра ордена Храма брата Бертрана де Бланфора (1156–1169). На печати изображены два рыцаря, сидящие на одном коне. Точное значение этого символа неясно, но одно известно точно: тамплиеры довольно часто использовали этот символ. Возможно, это был символ бедности ордена или символ взаимовыручки братьев на поле боя.

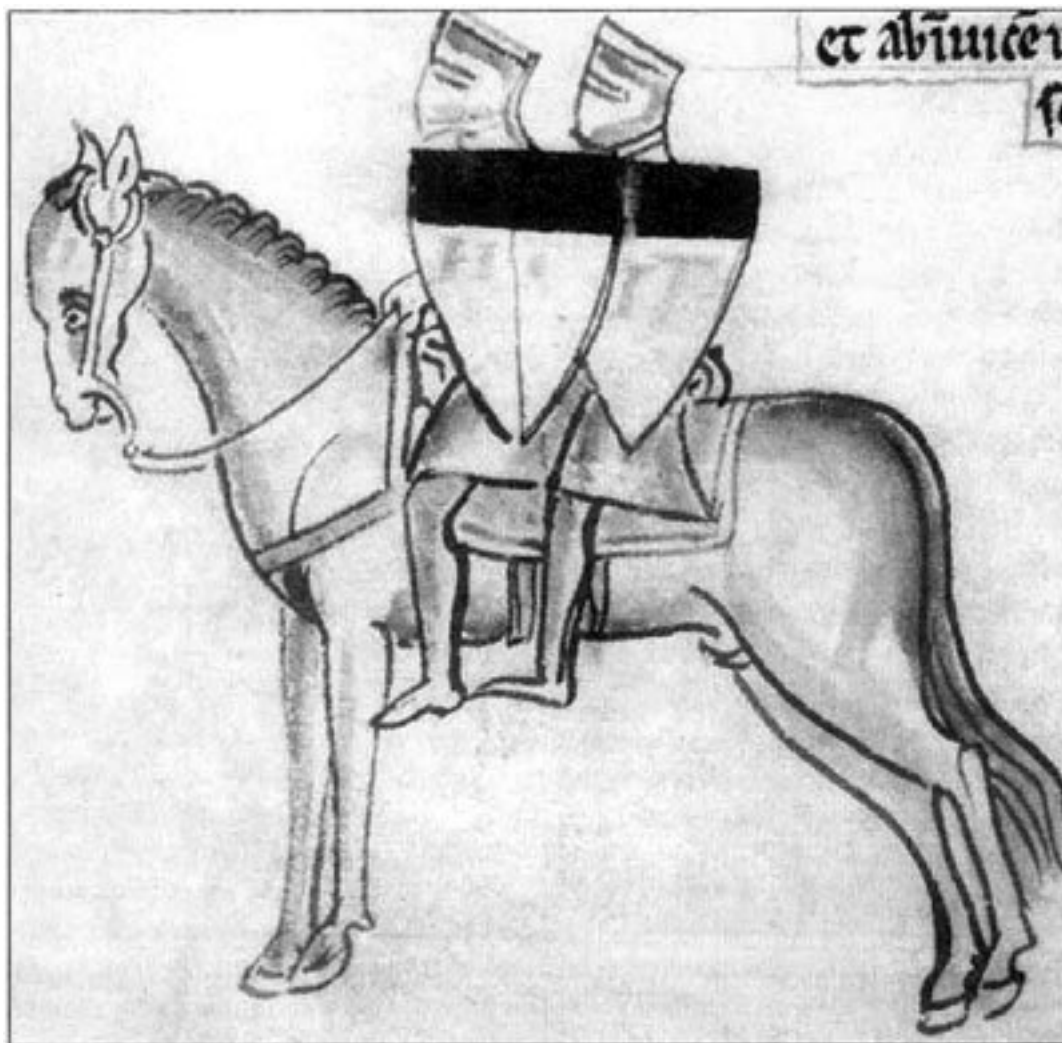

Реверс этой же печати. Изображен купол храма Гроба Господня. Этот символ был важен для ордена, так как орден создавался с целью защиты этой святыни от неверных.

Фреска XII века в тамплиерской церкви Крессак-сюр-Шаран, Франция. Хорошо виден конный рыцарь, идущий в атаку, зажав копьё под мышкой. Такая атака требовала от рыцаря высокого уровня подготовки.

В целом ведение боевых действий на Святой земле было сопряжено с множеством проблем. Часто не хватало провианта, корма для лошадей, летом питьевой воды (реки пересыхали, и, чтобы обеспечить себя водой, христианам приходилось рыть глубокие колодцы на дне пересохших русел). В зимний период, наоборот, христианское войско страдало от постоянных дождей, приводивших к тому, что ржавело оружие и защитное снаряжение, а провиант гнил, выючные животные тонули в грязи. Кроме того, приходилось быть всегда настороже, опасаясь внезапного нападения мобильных сил противника. Благодаря строгой дисциплине именно воины военно-монашеских орденов оказались наиболее боеспособными из всего христианского войска крестоносцев. В качестве примера эффективного действия рыцарей-монахов можно привести небольшой эпизод, произошедший в ходе второго крестового похода, когда французские крестоносцы, среди которых были и рыцари-тамплиеры, двигались через Малую Азию. Войско крестоносцев продвигалось по гористой местности с большим трудом. Христиане страдали не только от трудного перехода, но и от постоянных атак турецких воинов. С каждым нападением западноевропейские воины, не привыкшие к местному климату и к наскокам мобильных отрядов противника, несли ощутимые потери. Единственные, кто нормально себя чувствовал в сложившейся ситуации, были тамплиеры. Благодаря жесткой дисциплине и полученному ранее боевому опыту в борьбе с мусульманами отряд тамплиеров довольно успешно отражал все нападения противника. Турки, видя эффективность данного подразделения христиан, ослабили на него натиск и переключили все свое внимание на другие, менее подготовленные к данным условиям боя отряды крестоносцев. Понадобилось некоторое время, чтобы гордые и независимые командиры крестоносцев оценили эффективность тактики тамплиеров и последовали ее примеру. После того как командиры французских крестоносцев обратились за помощью к тамплиерам, те немедленно взялись за дело. Сперва тамплиеры выделили на каждый отряд крестоносцев по одному рыцарю-монаху, которые временно возглавили подразделения христианских воинов. Только под непосредственным руководством тамплиеров французским крестоносцам удалось навести порядок в колонне и грамотно противостоять последующим наскокам неприятеля. После применения боевой тактики тамплиеров потери среди крестоносцев существенно снизились. В 1191 году, в ходе третьего крестового похода, на марше из Акры в Яффу именно из опытных воинов тамплиеров и госпитальеров был сформирован авангард и арьергард колонны крестоносного войска. То есть рыцари военно-монашеских орденов брали на себя оборону самых опасных участков.

Два тамплиера, сидящие на одном коне. Рыцари держат в руках треугольные щиты с характерной для ордена Храма черно-белой символикой. Рисунок из «Великой Хроники» Матвея Парижского.

А. Передняя сторона свинцовой печати магистра ордена госпитальеров Роже де Мулена 1187 года. Магистр изображен молящимся. В. Задняя сторона этой же свинцовой печати. С. Передняя и задняя стороны большой печати магистра ордена госпитальеров Николя Лорнья 1282 года.

На всех фронтах «священной войны» рыцари-монахи были только составной частью всей христианской армии, однако в Сирии и в Прибалтике они пользовались большей свободой действий, чем в Испании. Испанской Реконкистой руководили христианские правители полуострова, и они предпочитали строго контролировать все военные операции. Во многих грамотах, выданных в Испании военно-монашеским орденам, указано, что они должны начинать и заканчивать военные действия только по королевскому приказу, и, как правило, ордена следовали этому правилу, несмотря на отдельные протесты со стороны папского престола. Но при этом испанские короли не стремились подавить инициативу как таковую в военно-монашеских орденах, и иногда ордена проводили собственные военные кампании – повествовательные источники, например, свидетельствуют о захвате в конце 1220 – начале 1230-х годов нескольких мусульманских замков орденами Сантьяго-де-Компостела и Калатравы, но подобные мероприятия проводились в рамках общей королевской политики. На Востоке дела обстояли иначе. В 1168 году Боэмунд III Антиохийский предоставил госпитальерам полную свободу действий и даже пообещал соблюдать перемирия, которые они заключат. Так же поступил в 1210 году царь Киликийской Армении Левон II. И хотя в XII веке в Иерусалимском королевстве ордена не

пользовались подобной свободой действий, в XIII веке падение авторитета королевской власти в Иерусалиме позволило военно-монашеским орденам проводить собственную политику в Палестине и Сирии. В начале века тамплиеры и госпитальеры придерживались агрессивных наступательных позиций на севере королевства и даже получали дань от соседних мусульманских государств; на юге они проводили независимую политику в отношении Египта и Дамаска, а позднее, с усилением власти мамлюков, заключали с ними собственные договоры. Но наибольшей самостоятельностью пользовались военно-монашеские ордена в прибалтийских землях. В Пруссии Тевтонский орден являлся независимым государством. Меченосцы и позднее рыцари Тевтонского ордена в Ливонии не обладали такой юридической независимостью, но на практике никто и не пытался ими руководить. Генрих Ливонский так писал о магистре меченосцев в начале XIII века: «Он воевал в боях за Господа, руководя и предводительствуя армией Господа во всех экспедициях, невзирая на то, присутствует ли епископ или отсутствует».

Военные действия рыцарских орденов на разных фронтах в какой-то мере отличались своими целями и методами. В Сирии и Испании главной задачей наступательной войны было закрепление власти над территориями, а не обращение мусульман в христианство. В Прибалтике же территориальные захваты сопровождались крещением язычников.

Но при этом в XII–XIII веках все рыцарские ордена проводили военные кампании главным образом на суше. Даже орден Санта-Мария-де-Эспанья не ограничивался морскими выступлениями. В восточном Средиземноморье тамплиеры и госпитальеры только к концу XIII века начали создавать собственные флотилии.

На суше действия военно-монашеских орденов включали как защиту и осаду фортификационных укреплений, так и сражения на открытом пространстве.

Полевые сражения

В открытых сражениях от военно-монашеских орденов не требовалось предоставления определенного числа людей, и потому довольно трудно определить количество рыцарей-монахов, участвовавших в боях на различных фронтах. Но складывается впечатление, что вообще общее число братьев было относительно невелико, даже по средневековым стандартам. Так, например, в письме тамплиера из Святой земли сообщается, что орден в мае 1187 года потерял шестьдесят братьев в Крессоне, а еще двести тридцать были убиты в сражении при Хаттине, в результате чего центральный монастырь тамплиеров «почти полностью обезлюдел». В еще одном письме, написанном после поражения при Ла-Форбье в 1244 году, говорится, что тамплиеры и госпитальеры потеряли примерно по 300 рыцарей, а остались в живых 33 тамплиера и 26 госпитальеров.

На Пиренейском полуострове военно-монашеские ордена были еще малочисленнее. Потеря орденом Сантьяго-де-Компостела своего магистра и 55 братьев в сражении при Моклине в 1280 году привела к слиянию остатков ордена с орденом Санта-Мария-де-Эспанья. В 1229 году отряд тамплиеров, принимавший участие в нападении на Майорку, составлял только двадцать пятую часть всего войска, хотя тамплиеры были самым могущественным орденом в Арагоне. Однако нужно принимать во внимание, что христианские правители Испании имели в своем распоряжении намного больше обычных, светских войск, чем поселенцы в Сирии, поскольку христиане составляли гораздо больший процент населения в Испании, чем в государствах крестоносцев, и правители могли в любой момент потребовать от своих подданных выполнения обязательной воинской повинности.

Рыцарь отправляется в крестовый поход. Гравюра на дереве Густава Доре.

Хроники, описывающие военные действия в Прибалтике, также свидетельствуют о том, что рыцарей-монахов, участвовавших в них, было гораздо меньше, чем остальных сражавшихся. Так, например, «Livonian Rhymed Chronicle» (Ливонская Рифмованная Хроника) сообщает, что в 1268 году ливонский магистр Тевтонского ордена созвал всех боеспособных братьев, и их число составило сто восемьдесят человек, при том что все войско насчитывало восемнадцать тысяч. Тевтонцам в этом регионе большую помощь оказывали отряды крестоносцев. Так, завоевания 1255 года были осуществлены с помощью маркграфа Бранденбургского Оттокара II Богемского и большого крестоносного войска.

Несмотря на то что рыцарей-монахов было сравнительно немного, за свою храбрость они пользовались уважением даже противников (особенно на Востоке). Братья представляли собой силу более дисциплинированную и организованную, чем многие светские воинские части. Тамплиеры следовали строгим правилам поведения в военном лагере и на марше, и, конечно,

братья всех орденов были связаны обетом послушания, нарушение которого грозило суровой карой. Наказанием за дезертирство в бою было исключение из орденов, а в ордене тамплиеров за атаку без разрешения провинившихся отстраняли от жизни ордена на определенный срок. Конечно, угроза наказания не могла исключить все случаи неповиновения, но многие исследователи крестоносного движения разделяют точку зрения великого магистра ордена тамплиеров Жака Бернара де Моле (1243–1314), который считал, что тамплиеры благодаря обету послушания превосходят остальные войска. Некоторые ученые видят преимущество рыцарских орденов на Востоке еще и в том, что они, постоянно там находясь, обладали большим опытом местной войны, в отличие от прибывавших с Запада крестоносцев.

Турнир, устроенный во время перемирия между христианами и мусульманами. Гравюра на дереве Густава Доре. В поединках меряются силами лучшие мусульманские воины и прославленные рыцари-крестоносцы.

В восточное Средиземноморье опытные и знающие члены военно-монашеских орденов часто посылались в авангард и арьергард крестоносных войск, как это было во время пятого крестового исхода египетского похода Людовика IX. В Испании этого не требовалось, поскольку местные, испанские, войска лучше знали местность и ситуацию, но ядро армии при начале кампании часто составляли члены военно-монашеских орденов, потому что остальные части нельзя было мобилизовать достаточно быстро. К тому же на братьев-рыцарей, в отличие от других воинов, можно было положиться. Так, в 1233 г. некоторые отряды ополчения кастильских городов покинули осаду Убеды, так как срок их службы истек. С членами военно-монашеских орденов такого поворота событий можно было не опасаться.

Однако братья воевали не только с «неверными». Иногда они направляли оружие против единомышленников, защищая или преследуя интересы своего ордена. И примеров тому немало. В 1233 году в Ливонии меченосцы конфликтовали со сторонниками папского легата Балдуина Алнского; на Востоке ордена участвовали во внутренних политических конфликтах, характерных для XIII века, таких, как война св. Саввы в Акре, а также бывали вовлечены в частные междоусобицы; то же самое происходило во второй половине XIII века и в политически нестабильной Кастилии. Вовлечение рыцарей-монахов в подобные конфликты истощало силы, которые могли бы быть использованы в борьбе с мусульманами или с язычниками. Более того, несмотря на всю свою дисциплинированность, военно-монашеские ордена не всегда откликались на призывы к оружию. Сборники документов арагонских королей содержат не только повторные вызовы для участия в военных кампаниях, но и угрозы санкций против владений орденов за невыполнение королевских требований. Но, несмотря на все это, военно-монашеские ордена внесли огромный вклад в борьбу с «неверными» и на всех фронтах играли важнейшую роль в защите крепостей. Уже в середине XII века король Иерусалима Амальрик говорил королю Франции, что «если мы и можем чего-либо добиться, то только через них».

Примером, как действовали в бою в составе крестоносного войска военно-монашеские ордена на Святой земле в конце XII века, могут служить два знаменитых полевых сражения – при Хаттине в 1187 году и при Арзуфе в 1191 году.

Рыцарская конница крестоносцев преследует бегущую конницу мусульман. Миниатюра XII века.

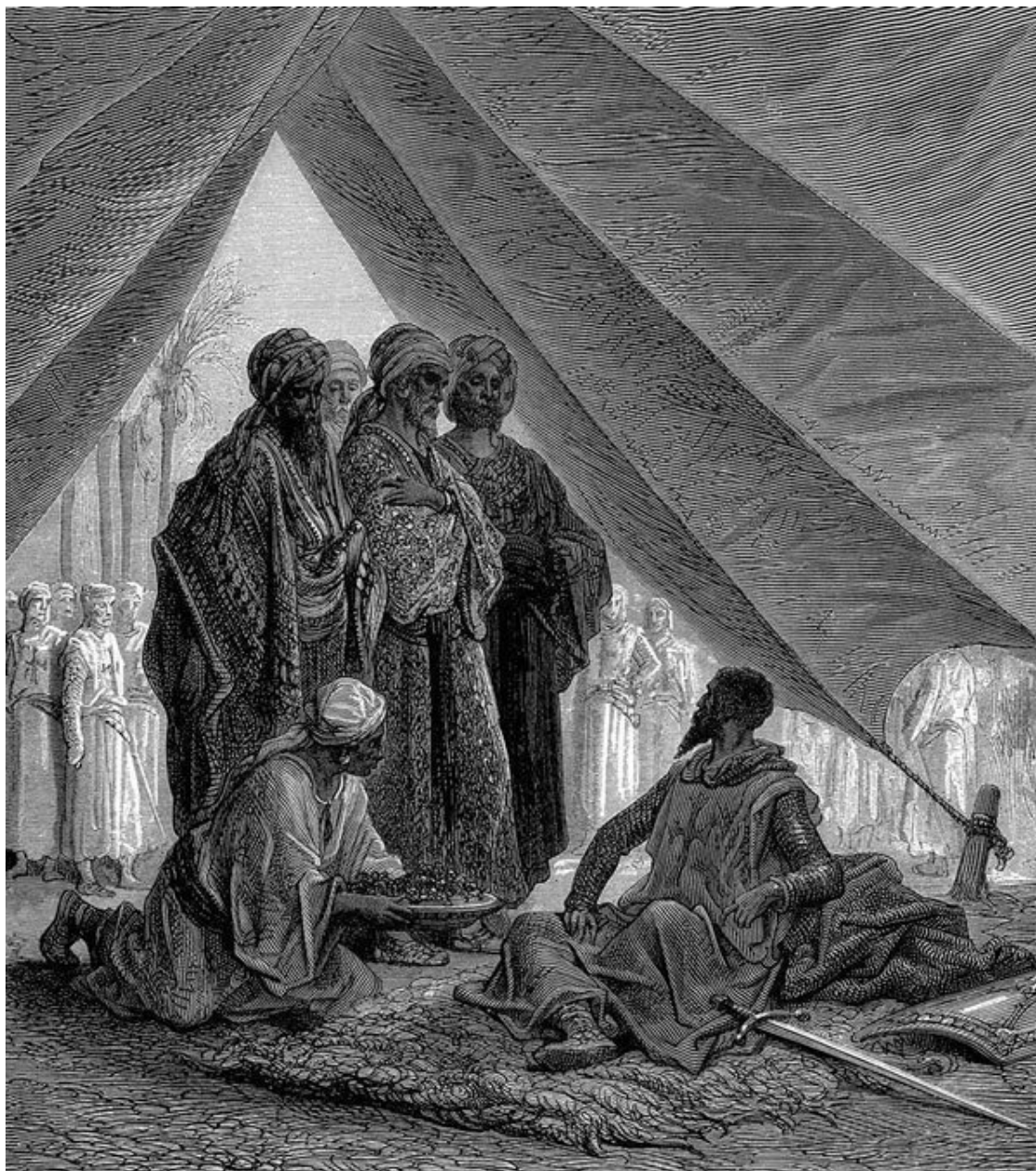
В XII–XIII веках крестоносному движению была свойственна следующая закономерность. За очередными неприятностями на Востоке следовали обращения к Западу о помощи, а папский престол призывал к новому крестовому походу (хотя не всегда помощь оказывалась именно в форме крестовых походов и не всегда Восток просил именно о них). По этой схеме происходили почти все главные крестовые походы, которым традиция присвоила порядковые номера, а также множество менее известных военных экспедиций, которые, по сути, тоже были частью крестоносного движения. С течением времени ситуация на Востоке ухудшилась, и на протяжении XII–XIII веков на каждое поколение приходилось как минимум одно обращение с просьбой о новом крестовом походе – сначала для того, чтобы укрепить латинские поселения, а после взятия Эдессы в 1144 году мусульманским эмиром Эмадеддином Зенги и Иерусалима в 1187 году султаном Саладином – для их возвращения христианам. Потеря Иерусалима была для христиан тяжелым ударом. Причиной падения Иерусалима стало поражение войска крестоносцев в битве при Хаттине, произошедшей 4 июля 1187 года. В то время между государствами крестоносцев на Востоке и мусульманами был заключен мир. Но целиком мирного соседства не получалось. Так как часто новоприбывшие рыцари-крестоносцы были полны решимости раз и навсегда покончить с мусульманами. Они не понимали всех тонкостей жизни на Востоке и не желали прислушиваться к советам тех рыцарей-крестоносцев, которые уже долгие годы жили на сарацинской земле и были знакомы с местными обычаями, нравами и тактикой ведения боевых действий мусульман. Но новоприбывших рыцарей тоже можно было понять. Ведь многие приехавшие из Европы были просто религиозными фанатиками, которые нетерпимо относились к другим верам, а были и такие рыцари, которые, прикрываясь благородной целью, хотели попросту сколотить себе состояние, участвуя в военных походах. И тех и других не устраивали мирные отношения с мусульманами.

Салах-ад-Дин Юсуф ибн Эйюб. Реконструкция.

Поэтому в Святой земле часто происходили стычки между живущими там христианами и мусульманами. Кстати, внутри государств крестоносцев тоже не было единства, большинство знатных рыцарей враждовали между собой из-за сфер влияния на новоприбывших, так как чем

больше у рыцаря сподвижников, тем его фракция сильнее и может с позиции силы, не прибегая к оружию, диктовать условия остальным. Надо сказать, что и среди мусульман тоже не было единства, именно поэтому христианским рыцарям и удалось захватить в свое время Иерусалим и так долго оставаться на Святой земле. Мусульманам был нужен сильный лидер, который мог бы не только объединить и возглавить мусульман, но и повести их на борьбу с «неверными». Этим вождем мусульман стал Саладин (Салах-ад-Дин Юсуф ибн Эйюб). В 1169 году Саладин из курдского клана Эйюбов стал главным визирем Египта. В 1171 году после смерти фатимидского халифа Адида он захватил власть и объявил себя султаном, тем самым положив конец династии Фатимидов и основав династию Эйюбидов. После смерти султана Дамаска Нур ад-Дина в 1174 году Саладин вошел в Сирию и занял Дамаск, сместив законного наследника – сына султана. Так, став правителем Египта и Дамаска, Саладин начал создавать империю, которой в будущем должны были править члены его клана. В свою империю Саладин планировал включить земли Сирии, Ирака и Йемена. На протяжении всего правления Саладина большая часть его доходов уходила на удовлетворение нужд родственников и приближенных. Щедрость была одним из необходимых атрибутов средневекового мусульманского правителя. Но планам Саладина о создании своей империи мешали благоверные мусульмане-идеалисты и беженцы из Палестины. Они все настойчивее требовали, чтобы Саладин перестал воевать с соседями-мусульманами и поскорее возглавил джихад (джихад – «священная война», дословно переводиться как «стремление», то есть стремление распространить ислам) против «неверных». С одной стороны, Саладину было выгодно выглядеть лидером мусульманской освободительной армии. Так, например, когда сторонники рода Зенги и другие враги султана называли его узурпатором, заботящимся только лишь о собственном благе своего клана, сторонники Саладина указывали на его верность идее священной войны как на подтверждение законности его власти. Надо сказать, что в ту пору по всему мусульманскому миру канцелярия Саладина рассылала письма, в которых все действия султана преподносились как стремление к единственной цели – уничтожению латинских княжеств. Хотя на самом деле Саладин немного делал для борьбы с христианами до тех пор, пока в 1183 году Алеппо не признал его своим владыкой. В 1185 году Саладин занял Майафарикин, а в 1186 году – Мосул. Теперь султан, обладая большой и опытной армией, мог достойно противостоять войску «неверных», так считали большинство агрессивно настроенных ревнителей ислама.

Мусульманские эмиры беседуют с предводителем крестоносцев. Гравюра на дереве Густава Доре.

Религиозная активность среди мусульман достигла своего пика в период болезни Саладина, когда в 1186 году на трон в Иерусалиме взошел Гвидо де Лузиньян. Известный проповедник ислама по имени Аль-Кад аль-Фадиль осмелился обратиться к больному правителю со следующими словами: «Бог предупреждает тебя. Пообещай же, если оправишься от болезни, никогда более не обращать свое оружие против мусульман и посвятить всего себя борьбе с врагами Аллаха!» Еще во время регентства Раймунда Триполлийского франки и Саладин договорились заключить перемирие сроком на четыре года. Но в сентябре 1186 года умирает король-ребенок Иерусалима Балдуин V, а это значит, что Раймунд Триполлийский перестает быть регентом (как регент, Раймунд должен был править 10 лет) и трон короля Иерусалима пуст. Однако в то время, как мусульманская армия становится все сильнее, оставлять пустовать трон было более чем опасно. Поэтому палестинские бароны решают основать новую династию. Большинство хотят видеть на троне Раймунда Триполлийского, тот уже показал себя мудрым

и сильным правителем во время своего регентства. Но небольшая кучка завистников и интриганов, используя помощь матери Балдуина V Сибиллы, выдвигают своего кандидата – Гвидо де Лузиньяна. Гвидо получил корону короля Иерусалимского благодаря стараниям патриарха Ираклия, великого магистра тамплиеров Жирара де Ридфора, Рено де Шатийона и Жослена де Куртене. Эти четверо подбили Сибиллу, которая приехала в Иерусалим на похороны сына Балдуина V, заявить о себе как о законной наследнице трона. Патриарх Ираклий, держащий в то время в ежовых рукавицах все духовенство, заставил клир оказать ей поддержку; Рено де Шатийон, прибывший из Керака, вызвался служить ей своим мечом, Жерар де Ридфор предоставил в ее распоряжение сокровища ордена тамплиеров, а в это время Жослен де Куртене обманом захватывал крепости Акры и Бейрута. Бароны, собравшиеся на совет в Наблусе, попытались отразить этот удар. Заговорщики на всякий случай приказали закрыть ворота Святого города, и в храме Гроба Господня патриарх короновал Сибиллу, дочь короля Амори, сказав при этом: «Госпожа, вы – женщина, необходимо, чтобы вы нашли человека, который помог бы вам управлять королевством. Вот корона, примите ее и передайте ее мужчине, который сможет удержать ваше королевство». Она взяла корону и позвала своего супруга Гвидо де Лузиньяна: «Сир, подойдите и примите эту корону, ибо я не вижу, как лучше я могу ею распорядиться». Он преклонил колени перед ней, и она возложила корону ему на голову (это произошло в середине сентября 1186 г.). Бароны в Наблусе, не желающие видеть Гвидо королем, попытались совершить свой переворот, действуя через Изабеллу, младшую сестру Сибиллы. Но попытка провалилась, и рыцарям-феодалам пришлось либо уйти в изгнание (на что отважились немногие), либо признать законным правление нового короля Гвидо де Лузиньяна. Среди баронов, которые предпочли изгнание позору, был бывший регент Раймунд, глава дома Ибелинов, Балдуин, сеньор Рамлы и Бейсана, сказавший по поводу Гвидо: «Он не пробудет королем и года». Вспышка военной активности на землях мусульман пришлась как раз на период, когда франки были полностью разобщены. Однако нет никаких доказательств, что Саладин стремился идти в наступление до истечения четырехлетнего срока мирного договора, а пока перемирие не нарушалось, между франками и мусульманами царил относительное спокойствие. Поводом для войны между франками и Саладином стало нападение отряда рыцарей на мусульманский караван. Осенью 1186 года Рено де Шатийон (ок. 1125–1287), сеньор Керака, в Трансиордании во главе небольшого отряда рыцарей захватил богатый торговый караван, направлявшийся из Каира в Дамаск. Для Рено де Шатийона разбой был обычным делом. Таким способом он увеличивал свое материальное состояние за счет сарацин, которых люто ненавидел. Дело в том, что в 1160 году во время одного из набегов Рено угодил в плен к сарацинам. Он 16 лет просидел в тюрьме города Гамбы. Никто из христиан не захотел выкупить Рено из плена, даже его жена. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда сильно постаревший Рено был выпущен на свободу, он ненавидел и мусульман, и христиан (те не вызволили его из мусульманского плена). Обладая неприступным замком, Рено де Шатийон считал себя неуязвимым. Именно из своего замка Кран де Моаб (Керак) Рено совершал свои разбойничьи набеги и туда же возвращался с богатой добычей.

Неприступный замок знаменитого Рено де Шатийона Кран де Моаб (Керак). Опираясь на мощь своих крепких стен и башен, Рено де Шатийон совершал свои разбойничьи набеги против мусульманских соседей. На фото показано, как сегодня выглядит большая часть руин на месте взятого штурмом прежде обширного замка Керак. В наши дни так выглядит большинство замков крестоносцев на Святой земле.

Действия Рено на Святой земле все больше озлобляли сарацин. На Рено королю Иерусалима постоянно жаловались как сарацины, так и многие христиане. В 1185 году после очередной выходки Рено, для того чтобы сохранить мир с Саладином, была предпринята попытка осадить замок рыцаря-разбойника. Но взять замок не удалось. Отсидевшись немного в своем замке, Рено вновь пустился в набеги на сарацин. Терпению Саладина пришел конец только тогда, когда осенью 1186 года Рено захватил караван, перебил всех купцов. Узнав об этом, Саладин, не хотевший, чтобы мир был нарушен по его инициативе, потребовал от нового короля Иерусалима Гвидо де Лузиньяна восстановить справедливость, то есть тот должен был немедленно наказать рыцаря-разбойника Рено де Шатийона, вернуть пленников и возместить нанесенный ущерб. Но Гвидо не мог наказать Рено и вернуть награбленное султану по двум причинам. Во-первых, Рено де Шатийон попросту не подчинился королю, которого сам же и возвел на трон; он для предотвращения конфликта даже не пожелал возратить легко доставшуюся добычу. Во-вторых, выполнение требований Саладина означало сохранение мира между франками и мусульманами, а большинство новых подданных короля Иерусалима жаждали только войны. В целом положение нового короля Иерусалима Гвидо де Лузиньяна было нестабильным, поэтому он решил попросту тянуть время и не принимать поспешных решений. Саладин, не получив от Гвидо ничего, кроме туманных заверений разобратся в этом непростом деле, под давлением своих подданных был вынужден объявить войну франкам. Так началась война, причиной которой стала безответственность Рено де Шатийона и беспомощность короля Гвидо де Лузиньяна. Получалось, что Саладин начал джихад, даже не нарушив клятвы перед лицом «неверных». Зимой в 1186–1187 года произошла общая мобилизация мусульманских сил. В марте Саладин направил свои лучшие войска в Идумею и страну Моаб, владения Рено де Шатийона, приказав разорить их дотла. В это время основные силы мусульманского мира стояли в Хаурани, на юге Дамаска, недалеко от Галилеи. Только осознав нависшую над ним огромную опасность, король Гвидо де Лузиньян под давлением своих баронов согласился примириться с графом Раймундом Триполийским. К графу Рай-

мунду в качестве миротворцев с предложением о примирении выезжают великие магистры двух орденов: тамплиеров и госпитальеров. Обоих магистров сопровождает немногочисленная охрана. В Назарете к посольству присоединяется небольшой отряд тамплиеров во главе с маршалом ордена и несколько светских рыцарей и пеших воинов. Теперь к графу Раймунду в Триполи направлялся отряд в количестве около 140 конных рыцарей и 350 пеших воинов. Возле источников Крессона отряд крестоносцев наткнулся на авангард войска Саладина (примерно 6500 воинов). Увидев, что неприятель поит своих лошадей у источников, магистр тамплиеров Жерар де Ридфор, несмотря на численное превосходство мусульман, решив, что их можно застать врасплох, приказывает рыцарской коннице немедленно атаковать врага. Но, видя явное преимущество противника, против атаки высказались магистр госпитальеров Роже де Мулен и маршал тамплиеров Жак де Майи. Они предложили, дабы сохранить силы для решающей битвы и не губить понапрасну своих воинов, отойти к основным силам крестоносцев. Однако это здравое предложение только разозлило магистра тамплиеров, который рвался в битву. Он тут же обвинил магистра госпитальеров Роже де Мулена в трусости, а своему маршалу Жаку де Майи сказал следующее: «Вы говорите как человек, который хочет удрать, вы слишком любите свою белокурую голову, которую вы так хотели бы сохранить». – «Я умру перед лицом врага как честный человек, – ответил ему брат Жак. – Это вы повернете поводья, как предатель». Итак, оставив в тылу у себя пехоту, рыцарская конница бесстрашно бросается на превосходящие силы врага. Но соотношение сил было не в пользу крестоносцев. Они были почти все перебиты. Спасти удалось только магистру тамплиеров Жерару де Ридфору и двум тамплиерам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.